

Сергей МИХЕЕНКОВ

ЗАГРАДОТРЯД

**«Велика Россия —
а отступать некуда!»**

Сергей Михеенков

**Заградотряд. «Велика
Россия – а отступать некуда!»**

«Яуза»

2011

Михеенков С. Е.

Заградотряд. «Велика Россия – а отступать некуда!» /
С. Е. Михеенков — «Яуза», 2011

НОВЫЙ роман от автора бестселлеров «В бой идут одни штрафники» и «Штрафники против гитлеровского спецназа»! Вся правда о «чуде под Москвой» в октябре 1941 года, когда Красная Армия остановила Вермахт всего в 30 километрах от Кремля. «Велика Россия – а отступать некуда!» Раз не осталось ни сил, ни резервов, ни надежд на подмогу, если истекли кровью и сгнули в «котлах» не только кадровые дивизии, но и народное ополчение, – неравный бой принимает заградотряд. Вопреки антисоветским мифам, их задача – не стрелять по своим, а заградить путь врагу на последнем рубеже. Если они не устоят против немецких танков, гитлеровцы с ходу овладеют железнодорожным узлом, от которого до Курского вокзала всего час езды на поезде и до самой Москвы войск больше нет. Здесь и сейчас, в беспощадных боях у безымянного полустанка, решается судьба столицы и будущее России. Сталинский приказ «Ни шагу назад!» будет подписан лишь следующим летом – но заградотряд уже стоит насмерть!

© Михеенков С. Е., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	30
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Егорович Михеенков

Заградотряд. «Велика Россия – а отступать некуда!»

«Велика Россия, а отступать некуда!»

*– Что ж вы, детишки, стоите? – закричал Иван Кузьмич. –
Умирать так умирать: дело служивое!*
А.С. Пушкин. Капитанская дочка

Глава первая

Возле небольшой деревушки фронтом на юго-запад окапывалась рота московских ополченцев. Неровный пунктир ячеек тянулся от крайних дворов по берегу речушки, заросшей ольхами и ракитником, через пойменный луг, полого поднимавшийся к полю, и по самому полю, где ровными рядами, куда ровнее окопов, стояли в «бабочках» снопы необмолоченного овса.

– Эх! Славные наши колхознички! В гриву-душу их!.. – матерился ротный, оглядываясь то в поле, золотившееся на солнце сияющими снопами, то на свое воинство. Беспокоило его больше, однако, не то, что местные жители не успели обмолотить и, как положено, отправить в закрома родины выращенный урожай, а то, как медленно и неумело окапывались его подчиненные. – Орда! В гриву-душу их!.. Бульварный сброд...

Ротный и сам несколько раз брался за лопату, срезал угол окопа для своего НП, делал ступеньку, чтобы легче было при необходимости выскочить вперед. Вперед... Хватило бы духу удержаться. В гриву-душу... Но ступеньку он все же вырезал.

Глядя на ротного, то же начали делать связисты и первый взвод лейтенанта Багирбекова.

Первый взвод окапывался в центре обороны Третьей роты.

Шаркая остро отточенной малой пехотной лопатой по сырой податливой земле, Мотовилов вдруг поймал себя на мысли, что думает совершенно о другом, не о том, о чем сейчас надо думать. Перед глазами стояло лицо председательши, сияющий матовой белизной кожи овал с темным ртом и глубоко посаженными глазами. Он даже вспомнил ее последние слова, пытаясь восстановить в памяти и то, что она ему сказала, сами слова, и интонацию, с которой они были сказаны, и жесты, и наклон головы.

Красивая женщина, снова подумал он о ней. Хоть и председатель колхоза, лицо, можно сказать, официальное и наполовину казенное, а все же – красивая.

Окапывались ополченцы действительно вяло. Может, потому, что порядком вымотались во время ночного марша и предыдущих нескольких суток, которые для Третьей роты тоже прошли без сна и покоя. Шли пешим ходом от самой станции, волокли на себе не только оружие и боеприпасы, но и все ротное хозяйство. И штатное, и то, что он, Мотовилов, по своей хозяйской привычке прихватил сверх штата. Хоть и тяжело было на марше тащить все нажитое, а не бросишь. В пути не останавливались. Мотовилов гнал свою одинокую роту к месту сосредоточения с тем азартом, с которым разве что у смерти отнимают мгновения, минуты и часы, обреченные ей. А вдруг да удастся обмануть старуху.

Когда взводы рассыпались вдоль поля и речки, перехватив большак, самые шустрые тут же сбегали в деревню, принесли большие лопаты, найденные, видать, в огородах, быстро отрыли свои ячейки и теперь сидели, покуривали и смотрели на кромку леса и извилистый хвост дороги, уходящей на запад. Там, за лесом, куда уводила та единственная дорога, время от

времени погромыхивало, глухой грохот то нарастал, то слабел, будто катаясь по земле огромными катками.

Интересно, сколько лет ей? Лет тридцать, не больше. Примерно Тасиных лет...

– Брыкин! В гриву-душу! Что ты копаешь, Брыкин? Ты что, комбайн сюда хочешь загнать? – закричал он вдруг, чтобы сбросить с себя морок посторонних мыслей, которые теперь только мешали, отвлекали от главного.

Перед ним из довольно глубокого окопа встал пожилой боец, поправил пилотку, сбившуюся на затылок, и, приложив ковшиком к потному седому виску крупную мужицкую ладонь, словно для того природой и созданную, чтобы каждодневно выполнять любую физическую работу, спокойным голосом ответил:

– Ячейку, товарищ старший лейтенант. – Боец неуверенно отнял от виска слегка подрагивающую ладонь, утер ею вспотевший лоб и тем же тоном произнес: – Индивидуальную ячейку для стрельбы стоя.

– Да у тебя, Брыкин, не ячейка, а корыто! Выгребная яма для ротной уборной! Первая же мина, первая граната закатится именно в твой окоп, Брыкин! И воду ты к себе соберешь со всего поля! Индивидуальная ячейка...

Боец, которого распекал ротный, огляделся по сторонам, критически оценивая свое укрытие, но, должно быть, так и не поняв, почему его окоп не нравится командиру, устало махнул рукой:

– Сейчас исправлю. – И исчез за бруствером, втянув за бурую бровку свежего отвала свое сухощавое сутулое тело.

Конечно, все устали. И что из этого? Дать им отдых? Чтобы выпалились, а немец придет и возьмет их тепленькими? И роту, и этот рубеж. Нет, пусть копают. В окопах и отдохнут, и согреются, и покурят. Пускай привыкают к окопной жизни. Солдата не перед боем жалеть надо, а в бою, вспомнил он поговорку своего первого командира эскадрона.

Дальше по линии окапывался пожилой ополченец Хаустов. Ротный намеревался пройти мимо, не хотелось ему лишний раз расстраивать свои и без того слабые нервы и материться на все поле. Но то, что он неожиданно увидел, заставило его остановиться и уделить увиденному некоторое время. Его поразила правильная геометрия окопа, точные, сантиметр в сантиметр, размеры и пропорции. Окоп профессор отрывал быстро, без суеты, явно со знанием дела. И винтовка, и шинельная скатка, и «сидор» с котелком ополченца лежали там, где им положено было лежать. И лопату он держал как боец не первого года службы.

– Вот, товарищи бойцы! Уважаемые рабочие московских заводов и люди умственного труда! – обратился он к первому взводу. – Обращаю ваше внимание на то, как правильно отрывает свою ячейку боец Хаустов! Берите пример с уважаемого профессора! Рядовой Хаустов! Объявляю вам благодарность!

– Спасибо, товарищ старший лейтенант, – ответил Хаустов.

– А вот отвечаете неверно.

– Служу трудовому народу! – тут же поправился ополченец.

Ротный оглянулся на левый фланг, окликнул лейтенанта Багирбекова:

– Прикажите бронебою переместиться сюда! Вот пусть и берет себе Брыкина вторым номером. Окоп подходящий, и расширять не надо. Запасную отрыть в двадцати-тридцати метрах – там. – И Мотовилов указал рукой в тыл, в сторону овсяных «бабочек».

– Младший сержант Колышкин!.. – тут же послышался голос взводного.

И тотчас с левого фланга прибежал коренастый боец в стеганой короткополой фуфайке. Спрыгнул в просторную ячейку Брыкина и принялся примерять к брустверу свое длинноствольное ружье. Этот свое дело знает, наблюдал за действиями бойца Мотовилов. И Брыкина подтянет.

– А ну-ка, комбайнер, убери вот здесь и здесь немного земли и перекинь ее туда, – тут же приступил к делу бронебойщик.

– Сам копай. Кум нашелся, – нахмурился Брыкин.

– Запомни, боец, – наставительно сказал бронебойщик, – с этого момента ты мой второй номер. Я – твой непосредственный командир. Что прикажу, то и будешь делать. Это – как на гармонии сыграть. Лучше подготовим позицию, дольше проживем в бою. Смекаешь? Так что давай, одолевай, комбайнер, суворовскую науку побеждать. – И младший сержант засмеялся, бережно устраивая на бруствере противотанковое ружье.

Мотовилов не стал вмешиваться в разговор бойцов. Более того, сделал вид, что не слышит их. Шла обычная притирка двух характеров, неожиданно оказавшихся в одном окопе. Ничего, подумал ротный, завтра будут неразлейвода. Он постоял бы в первом взводе и еще несколько минут, но со стороны деревни захлопали сырые полы шинели. Так, торопливо перебирая ногами, вечно куда-то спеша, в Третьей роте ходил только один человек, он-то сейчас и подошел к Мотовилову.

– Ну что, Овсей Исаевич, вы-то окопались? – встретил подошедшего ротный.

Младший политрук Бурман потоптался на бруствере ячейки бронебойщиков, наклонился всем корпусом к Мотовилову и, высунув из широкого рукава шинели сухую смуглую ладонь, густо пахнущую табаком, коротким жестом, как бы подчеркивая особую конфиденциальность предстоящей беседы, отозвал ротного в сторону.

– Давайте отойдем. Поговорить, так сказать, накоротке...

Младший политрук отвел его от линии окопов шагов на двадцать. Далековато, прикинул Мотовилов, окидывая взглядом взводы и край деревни. Канонада на юго-западе утихла. Гремело только севернее. А там, в стороне Тарусы, залегла непонятная, напряженная тишина. Что это? Неужели отогнали? Или немцы все же сбили дивизионные заслоны и прорвались. Какие уж там дивизионные заслоны. От всей дивизии разве что полк остался. И тот сводный. С бору по сосенке...

Младший политрук Бурман между тем откашлялся и заговорил:

– Во-первых, должен вам поставить на вид, что вы, как командир роты, а в данном случае отдельного подразделения, выдвинутого на угрожаемый участок, действуете не по уставу. Где ваш НП? Откуда вы собираетесь управлять взводами? Отсюда? Из стрелковой ячейки? Во-вторых...

Да, в гриву-душу, подумал Мотовилов, у бронебоя с его напарником горя меньше, чем у меня. Нанес же лихой заместителя... Он мгновенно вспомнил все, что ему не нравилось в его заместителе: и то, как он фактически отменил его приказ на переправе, отдав распоряжение грузиться вначале первому взводу, а потом всем остальным, и то, как минуту назад начальственно и повелительно махнул ему смуглой ручкой, в нужный момент вынырнувшей из широкого рукава шинели, и такой же самоуверенный взгляд, и манеру влезать не в свои дела в самый напряженный момент, как будто специально для того, чтобы показать, что и он в роте хозяин. Пришло время комиссара ставить на место. Он ухватил младшего политрука за ремень портупей, притянул к себе, как подростка, которого пора бы хорошенько высечь, да нехорошо при посторонних, и сказал:

– Во-первых, младший политрук, в роте командир один. И этот командир не ты. Понял? Я хочу, чтобы ты это понял раз и навсегда. Во-вторых, займись своими делами. А в-третьих, мне наплевать на то, что тебе наговорили обо мне в штабе дивизии. Кто я, что я... И что ты доложишь им, мне все равно. Рота выдвинута на отдельный рубеж с задачей удержать его до подхода основных сил полка. Задачу надо выполнить любой ценой. Ты думал об этом, товарищ младший политрук? Ценой может быть жизнь любого из нас. Моя. Твоя. Вот этого профессора. Тракториста Брыкина. Лейтенанта Багирбекова. А кто мы с тобой, покажет бой. Ты, Бурман, в бою еще не бывал. Так что советую тебе присматриваться к тем, кто уже нюхнул пороху, и

вести себя хотя бы так же, как они. И голова будет целее, и в штаны не наложишь. Вот так. А сейчас, товарищ младший политрук, прошу вас заняться следующим: разыщите, где хотите и как хотите, старшину Ткаченко, отматерите его как следует, чтобы впредь от роты не отставал и успевал со своей кухней вовремя. Иначе переквалифицирую его на должность второго номера пулемета «максим»! Так и передайте.

Старшина Ткаченко такой участи, конечно же, не заслуживал. Ладно, подумал Мотовилов, пускай притираются эти два характера. Раз в один окоп попали.

– Но, товарищ старший...

– Выполняйте, Бурман. Я знаю вас как человека добросовестного. Давайте так на ближайшие дни и порешим: с этого часа берите на себя обязанность контролировать регулярное, согласно уставу, обеспечение личного состава роты горячей пищей и другими видами довольствия. Горячая каша в окопе и табак в солдатском кисете – тот же боеприпас. Вот это, между прочим, и есть – бить врага всеми имеющимися средствами.

Бурман, вытянувшись, стоял перед Мотовиловым. Когда ротный отпустил ремень его портупеи, младший политрук встряхнулся, как курица, счастливо выскочившая из-под крыльев и когтей коршуна, и сказал, уже спокойно глядя в лицо своему командиру:

– А с бойцами, товарищ старший лейтенант, постарайтесь разговаривать все же корректно. Вот сейчас вы набросились на рядового Брыкина. А ведь он из первого состава дивизии. На фронт пошел добровольно. Между прочим, лучший в колхозе комбайнер.

Так вот почему бронбойщик Колышкин назвал этого землекопа комбайнером. А Мотовилов почему-то запомнил, что Брыкин – тракторист. Тракторист, комбайнер... Колхозник.

– ... Стахановец, – продолжал, как будто читал передовицу, Бурман. – Висел, так сказать, на районной Доске почета.

– Не знаю, где он, ваш передовик производства, до войны висел, но если ему Колышкин не вставит мозги туда, где они должны быть, немец развесит его кишки на ближайшей ракете.

– И все же, товарищ старший лейтенант, призываю вас, так сказать...

– А профессор Хаустов, – сменив тон на более спокойный, спросил Бурмана Мотовилов, – он по какой части профессор? По технической? Или так, по какой-нибудь эстетической?

– Хаустов как раз эстетику и преподавал. Талантливейший ученый. Масса публикаций! Гордость советской науки!

– Кгм! – кашлянул в кулак Мотовилов. – Как же мне эту фарфоровую вазу в бой посылать?

Бурман задумчиво пожал плечами.

– Эстетику? – вдруг заинтересовался Мотовилов. Он понял, что надо переключиться на что-нибудь второстепенное, чтобы поскорее избавиться от младшего политрука. Тот любил поговорить на отвлеченные темы. Черт с ним, ведь надо же и ему что-то уступить. Конфликт с заместителем сейчас ни к чему. А если еще и тыл подтянет, то и спасибо политоргану.

– Да, представьте себе.

– Так это ж буржуазная наука!

– Ну что вы, Степан Фомич...

И в это время за рекой, в стороне дальней кромки леса полыхнуло, и раскатистый грохот разорвавшегося снаряда пронесся по полю и накрыл все пространство перед ними.

– Что это?

– Уже подошли?

– Немцы?

– Шальной. Если бы били прицельно, тут бы был. Прицельно он – как свеклу сажает.

– Тяжелый. Не меньше «сотки».

– А вроде, по звуку, наш. И откуда он прилетел?

– Из Астрахани! – пошутил кто-то на левом фланге, и, как ни странно, окопы неурочному шутнику ответили смехом.

На правом же фланге замерли. Бойцы вытягивали головы, прислушивались, спрашивали друг друга о том, чего пока никто из них не мог знать. Некоторые, кто уже побывал в деле, спокойно надевали каски. Другие торопливо и деловито поправляли брустверы своих ячеек, маскировали их клоками травы и соломы.

– Эй, малый, колючков, колючков наторкай, – подсказывал студенту Петрову сосед по окопу, трясущимися пальцами подтягивая в подбородку пряжку ремешка, отчего просторная каска сразу скрыла часть его лица почти до переносицы. – Тогда маскировку не снесет во время обстрела. Смекаешь?

– Понял, дядя Игнат. – И молодой ополченец кинулся к зарослям полыни, уже хорошенько прореженным бойцами первого взвода.

Там с порядочной охапкой уже бродил, беспокойно оглядываясь за реку, Хаустов. Казалось, удар первого снаряда не произвел на него никакого впечатления. И Петров, до этого избегавший профессора, спросил его:

– Простите, Глеб Борисович, где это вы так научились отрывать окоп?

– На курсах.

– Вы были на военных курсах?

– Да, судьба не обошла.

– И что за курсы?

– Да вот такие же. – И профессор оглянулся в сторону окопов.

Ответ профессора только озадачил Петрова. И он спросил снова:

– Когда же вы успели эти курсы окончить?

– Давно, Петров. Давно. Мне было, пожалуй, столько же, сколько нынче вам. Не думал, что это мне еще пригодится. Пригодилось. Командир похвалил. Посмотрим, как оценит мои приготовления неприятель.

Петров внимательно наблюдал за профессором. Когда тот умолк, подумал: наговорил много, но о чем-то главном, как всегда, умолчал. Петров вспомнил лекции профессора Хаустова: мысль развивалась стремительно, выводы были парадоксальными и потому ошеломляющими, а потом, в конце, профессор, как бы между прочим, бросал какую-нибудь фразу, которую не все и улавливали, и именно она, брошенная как намек на главное, была финалом, а значит, сутью. После лекции кто-нибудь из студентов подходил к профессору и заговаривал с ним на тему *главного*, но тот снисходительно улыбался и говорил, что точный ответ на вопрос можно найти у классика, например, у Карла Маркса, том такой-то, страница такая-то...

Они наломали сухих будыльев полыни и бурьяна и пошли к своим окопам.

За рекой было тихо. Выдвинутое вперед, к лесу, боевое охранение молчало. Никаких вестей от него не поступало.

Ротный и младший политрук стояли поодаль на чистом месте и о чем-то, не уступая друг другу, разговаривали.

– Командир нам попался уж больно строг, – заметил Брыкин и кивнул в поле своей ухоженной, как оловянная ложка, лопатой.

В ручищах Брыкина малая саперная смотрелась действительно как оловянная ложка. Лопата была разве что на пару миллиметров шире его ладоней. Взрыхленную землю бывший комбайнер обычно выбрасывал через бруствер руками. Так получалось быстрее и чище. А сам он, глядя на свой малоспособный инструмент как на детскую игрушку, не раз говорил, что на ней только перепелиные яйца жарить, а не землю копать, и мечтал найти себе нормальную лопату и обрезать покороче черенок.

Хаустов спрыгнул в свой окоп. Брыкин, похоже, поджидал его, чтобы поговорить. Разговаривать с младшим сержантом, который хозяином засел в его просторном окопе, он не желал.

Окоп он отрывал для себя, а теперь вот пришлось тесниться двоим, да еще с человеком, прикрепленным к такой огромной мортире. С винтовочкой он тут, за своим бруствером, как-нибудь, глядишь, и пересидел бы. А теперь что? Все пули – сюда. Бронебоев, как говорят бывалые бойцы, немец в первую очередь выцеливает.

– Ничего. Строгий командир только для нерадивого солдата – беда. А военное дело он знает. С таким воевать легче. Поверьте мне. Беда была бы, когда бы ротой, к примеру, Бурман командовал.

– А, этот... И то правда. Пушай уж лучше газеты читает. Его, говорят, ротный в тыл услал, картохи на кухне чистить. – И Брыкин посмотрел в сторону Екатериновки, как будто там, за полем, можно было разглядеть и ротную кухню, и младшего политрука.

– Гаврюша, а ну-ка, голубчик, не считите за труд, помогите с маскировкой. Взгляните вон оттуда, со стороны противника, на мое сооружение. А я вам, в качестве компенсации, немного из своего изобилия выделю. Вам вот этот край надо замаскировать более тщательно.

Боец ловко перескочил через бруствер и на корточках подполз к соседнему окопу.

– В Первую мировую, Гаврюша, одиночные ячейки всегда соединяли ходами сообщения. Получалась траншея, удобная во всех смыслах. В бою можно было свободно передвигаться по фронту. Переносить раненых. Для командира опять же, чтобы управлять боем.

– А откуда вы знаете про ту германскую, Глеб Борисович?

– Знаю. – Хаустов снова поморщился. – А вот здесь, как вы считаете, не надо немного убрать? Вроде как высоковато. Неестественно для обычного рельефа. А? Демаскирует.

– Хороший окоп. Просторный. По всем правилам. Не зря вас командир похвалил. – И Брыкин сощурился в улыбке, которая казалась настолько нелепой на его грубоватом, монгольского типа лице, что постороннему казалась гримасой боли. – А до окопа ротный вас не жаловал.

– Психология. Психология, Гаврюша. Я не вполне соответствую стандарту среднего солдата. Дело вовсе не в окопе. Мой вид его раздражает. Он хороший командир. Ему надо, чтобы рота копошилась, как муравейник. Чтобы все в этом муравейнике соответствовало его командам и воле. И чтобы каждый муравей мало чем отличался от другого. И притом знал свой маневр.

– Ну да, такой муравейник и должен быть, – согласился Брыкин. Ему явно нравились рассуждения профессора и то, что можно поговорить с добрым человеком и не слушать придирки своего нового начальника. Но звуки боя, доносившиеся из-за реки, его отвлекали настолько, что он терял нить разговора и чувствовал небывалое: низ живота начинал подрагивать и слабеть. Что это я, как баба перед мужиком, испуганно думал Брыкин и утирал потный лоб тыльной стороной ладони. Отвлекал и вид деревни. Надо было, пока относительно тихо, сбегать туда, набрать соломы или сена, подстелить в ячейке. Снег, выпавший два дня назад, растаял. Но теперь накрапывал дождь, и, по всему виду, скоро он перейдет в затяжной, нудный, который похуже ливня. Сыро. Холодно. Когда потянет вдоль реки ветер, совсем лихо. А может, подумал он как о заветном, и лопату там подходящую где-нибудь раздобуду.

Но пока они, разогретые окопными работами, терпели и ветер, и мелкий дождь. Поход в деревню можно было и отложить. Немец-то, видать, уже близко. А окопы еще надобно соединить ходом сообщения.

Деревню осматривал в бинокль и ротный.

Деревня была брошена жителями. Когда рано утром рота вошла в деревню, дворы оказались уже пустыми. Еще не развиднело, и в поле теснились сумерки. Мотовилов сразу отправил двоих разведчиков проверить, что и как там. Приказал:

– Опросите местных жителей, не видели ли чего подозрительного. Узнайте, может, кто в лес ходил. Местные есть местные, они всегда знают больше, чем видят.

Разведка вернулась и доложила, что деревня пуста, никого нет.

– Даже хлева пусты, товарищ старший лейтенант, – доложил сержант, поправляя на плече новенький ППД.

Автомат ему подарил Мотовилов. За удачно проведенную разведку и захват «языка» под Тарусой.

– Тебя, Плотников, похоже, больше интересовали души, что в хлевах обитают?

Вопрос ротного разведчика не смутил.

– Разведчик должен обследовать все! – выпалил тот в ответ.

– Ладно, Плотников, свободен. Но не думай, что после Тарусы тебе все можно.

Боевые охранения ушли за реку. Мост заминировали. Саперы с группой прикрытия окапывались там, внизу.

Из первого взвода Мотовилов приказал передать им пулемет «гочкис»¹ с небольшим запасом патронов.

На Десне они были вооружены лучше. Но и там не удержались. Мотовилов старался об этом не думать. Но не получалось. Надо было выкраивать из того, что имелось в наличии. Два пулемета по флангам, без них не обойтись. Один – к мосту. Оставался один, нештатный. Старенький, повидавший виды пехотный Дегтярева они подобрали в нескольких километрах западнее Тарусы, когда сменяли группу прикрытия. Тех только что обработали пикировщики. Раненых увезли в тыл, убитых сложили неподалеку. Оружие и боеприпасы тут же разошлись по рукам. Пулемет он нашел возле землянки, в ровике. Его либо не заметили, либо никто брать не захотел. У пулеметчика на фронте судьба незавидная. Все за ним охотятся: и снайперы, и минометчики, и орудия прямой наводки. Всем он кость в горле. Мотовилов приказал забрать тот пулемет. Пулемет слегка покорежило осколками. Но ничего, в роте нашлись умельцы, отремонтировали. Теперь этот сверхштатный ПД связисты всегда носили с собой. Устанавливали рядом с ротным НП. Мотовилов иногда стрелял из него сам.

Если взглянуть на карту глазами немца, хотя бы командира пехотного полка, то явным виделось следующее. Самый короткий путь до шоссе и железной дороги – через Серпухов. И Мотовилов от этой мысли мгновенно вспотел. Чтобы смести с позиций его роту, состоящую на девяносто процентов, как он иногда выражался, из московского бульварного сброда и людей умственного труда, вполне достаточно будет батальона. А если с усилением, то и двух взводов достаточно. Забросают окопы минами, а тем временем обойдут с флангов и – крышка роте, в гриву-душу...

Немцы нападают с запада и юго-запада. На северо-западе, в стороне Детчина и Недельного, их, должно быть, не пропустили. Там гремит не переставая. День и ночь. А в стороне Тарусы тишина. Может, уже прорвались. Значит, скоро будут здесь.

Неужели, думал минуту спустя старший лейтенант Мотовилов, мы, Третья стрелковая рота, с четырьмя пулеметами и девяносто двумя винтовками, и есть последние войска, которые закрывают путь на Москву? В Тарутине, когда неделю назад они выступили оттуда после переформирования, никого не оставалось. В роты в качестве пополнения были включены даже

---

¹ Пулемет Гочкиса (Mle1909). Принят на вооружение французской армии в начале Первой мировой войны. Тогда же Россия закупила ружье-пулемет (ручной пулемет) «гочкис» в количестве 540 штук, поставки закончились в январе 1917 г. В Россию к нему поставлялась матерчатая лента, которая, по причине перекоса патрона, затем была заменена жесткой лентой. Оружие не показало особых достоинств, за исключением простоты устройства. Тактико-технические характеристики: патрон Лебеля с пулей 8 мм; масса 12,68 кг; длина 1187 мм; прицельная дальность 2000 м; боевая скорострельность 250 выстр./мин.; емкость ленты 24 патрона. Наряду с пулеметами «гочкис» ополченческие и бывшие ополченческие дивизии (получившие наименование и нумерацию общевойсковых, стрелковых) имели на вооружении французские пулеметы Шоша, американские Кольта и английские. Винтовки ополченцев отличались еще большим разнообразием. Кроме хранившихся на складах иностранных винтовок времен Первой мировой и Гражданской войн, ополченцы получили трофейное оружие, захваченное во время войны с Японией, Финляндией, в Бессарабии и Польше. Здесь были японские, чешские, немецкие, бельгийские, румынские, французские, английские винтовки и карабины.

местные жители призывных возрастов. Там, позади них, уже никого нет. Одни женщины, дети, старики. И свободное пространство, никем не охраняемое. Пустые, открытые дороги...

От этих мыслей можно было сойти с ума.

Вчера в штабе дивизии Мотовилову неожиданно отдали приказ форсированным маршем двигаться в сторону железной дороги, а там повернуть на северо-восток, переправиться через Оку в районе села Подмоклого и занять оборону по реке Боровне на участке деревни Малеево северо-западнее Серпухова. Начштаба нарисовал маршрут на карте Мотовилова и сказал: «Бегом, Степан Фомич. Чтобы немцы нас не опередили. Перед Тарусой мы не удержимся. А там, на Протве и Боровне, может, и зацепимся. Постоим. Только вот что... Это уже и приказ, и пожелание командующего: роту не положи, как полк положил на Десне. Другой не будет. Уцелеете и здесь, дальше воевать пойдете рядовым солдатом». – «Что, прямо так и сказал?» – переспросил Мотовилов, глядя в глаза начштаба. «Передаю, Степан Фомич, слово в слово». Мотовилова вначале охватила обида. Как же так? Остатки полка, знамя, дивизионный медсанбат, приставший к ним в пути, из окружения вывел в полном составе. Триста шестнадцать человек одних только раненых!.. Вот тебе благодарность. Какому-то Мехлису, гниде тыловой, на глаза попал, когда у того было плохое настроение... Но потом одумался и согласился с командармом: роту надо беречь, потому как более или менее полносоставных рот сейчас тут, под Москвой, меньше, чем полков под Вязьмой. И через минуту он уже забыл обиду, которая все эти дни сидела в нем, саднила, как вчерашняя заноза под кожей. Жалко только было автомата. Как бы теперь он ему пригодился!

Перед самым выдвижением прошел слух, что на станцию Тарусская начали прибывать составы с пополнением. То ли маршевые батальоны, то ли свежая дивизия. Была надежда, что их сменят, что на новый рубеж выбросят другую, свежую группу. Более многочисленную, с усилением хотя бы в виде артдивизиона или минометной роты. Сменили. Не говоря уже об усилении. Правда, перед самым выходом сюда дали троих бронебойщиков. Без вторых номеров, но хотя бы с ружьями и достаточным запасом патронов.

Мимо той станции они прошли ночью. Только слышали в отдалении, как сопел паровоз под парами и погромыхивали буферами вагоны. Полки выгружали из теплушек армейское имущество, выводили коней. Снимали с платформ дивизионные орудия и короткоствольные полковушки. Минометчики хлопотали возле своих обозов, бережно складывали на подводы трубы и плиты батальонных и ротных минометов. А их Третью роту с ходу погнали сюда. С шестью «гочкисами». Даже боекомплект им выдали не по полному штату. Бойцы получили по двенадцать обойм и по шесть гранат на отделение. А это – ровно половина того, что должен иметь боец в своих подсумках ².

Опять Мотовилова начала угнетать неприятная мысль о том, что, как и полк в сентябре, так и роту теперь, спустя какой-то месяц, бросают на убой с не вполне ясными задачами. Впрочем, что тут неясного, успокаивал он себя как мог, задача-то как раз ясна как божий день: оседлать большак и данное, так сказать, направление фронтом на запад и держаться здесь до последнего, вплоть до самопожертвования, пока не подойдут основные силы дивизии.

Через Оку переправлялись на каком-то старом скрипучем баркасе. Баркасом управлял пожилой штатский в засаленной телогрейке и заячьей шапке. Бойцы с завистью смотрели на его добротную шапку, жались друг к другу, когда баркас, поскрипывая и мягко цепляя песчаное дно, начал вдруг отчаливать от берега и оказался в другой стихии. Бойцы привыкли чувствовать под собой твердь, надежность земли, теперь, оторванные от этой тверди, выглядели беспомощными и никуда не годными, брошенными на произвол судьбы людьми, на которых

---

² Штатный боекомплект бойца стрелкового подразделения РККА 1941 г.: 120 патронов; из них 60 – в кожаных подсумках, которые крепились на поясном ремне; остальные 60 – в вещмешке. Обычно перед боем патроны из «сидора» выкладывались куда-нибудь поближе, т. е. боец старался расходовать прежде всего боезапас, который хранился далеко и который в случае перемещения доставать труднее, чем из подсумков.

случайно надели армейскую форму и дали в руки оружие. Старший лейтенант Мотовилов, чтобы лишний раз не сокрушать душу затрапезным видом своих бойцов, отвернулся и, пока баркас не уткнулся носом в отмель противоположного берега, смотрел на серое бугристое тело реки, которое сталисто поблескивало в предрассветной дымке реденького, как ветхое сито, тумана, и напоминало ему что-то давнее, как будто бы даже чужое или прожитое в другой, более счастливой и удачливой жизни. От воды тянуло осенним холодом, сырым октябрём, не обещавшим уже ничего, кроме холодов. И все-таки влажная свежесть реки, резкие порывы ветра, заставлявшие сгруппироваться и противостоять, стальной блеск тугих жгутов быстрого течения успокаивали Мотовилова. В этот ранний час река приобретала цвет металла, хорошо отдраенной винтовки или минометной мины, которую уже протерли и приготовили к делу...

Их полк находился где-то на юго-западе, в стороне Тарусы, маленького районного городка, притулившегося на левом обрывистом берегу Оки. Мотовилов бывал там до войны. Правда, всего один раз. Жена получила путевку в местный дом отдыха, кажется, имени Куйбышева. Могли бы махнуть на море, пожить в просторном номере на двоих. А тут ютились в тесной комнатухе, половину которой занимала кровать. Но тот месяц ему запомнился на всю жизнь. Может, потому, что все случилось после их очередной размолвки. В те дни в доме отдыха Тася была другой. Она умела быть разной, и такой тоже, когда он души в ней не чаял, готов был на руках носить. И носил ведь! Носил...

Из полудремотного оцепенения его вырвал звук ударившегося о металлическую палубу баркаса ружейного приклада. Не иначе, кто-то из этих московских раздолбаев опять уронил винтовку. В гриву-душу их... Мотовилов резко вскинул голову. Сержанты и лейтенант Багирбеков уже наводили порядок, толкали задремавших, заставляли всех проверить оружие и застегнуты ли подсумки.

И лейтенанты, и младшие командиры, особенно побывавшие в боях, тоже озабочены неполным боекомплектom. Хотя Мотовилов знал, что у каждого хорошего бойца в «сидоре», среди портянок и комплектов запасного белья, среди бритвенных принадлежностей и припрятанных сухарей, лежит горсть-другая винтовочных патронов. Так это ж у хороших бойцов...

А тут еще младший политрук пытается командовать, несет всякую чушь. Лучше бы занимался своим делом.

Порой ему казалось, что начинают болеть зубы. Сразу все.

Разгружались тоже не мешкая. Через полчаса пути зашли в придорожную деревушку. Мотовилов увидел возле колхозного амбара каких-то людей. По виду вроде местные, не беженцы. Подошел к ним. Трое мужчин пожилого возраста и две женщины. Женщины помоложе. Когда он обратился к ним, одна из них выступила вперед, поправила платок, плотно облегавший ее округлое, прямо-таки сияющее в темноте лицо и сказала:

– А вот так, большаком, вдоль речки и идите. Пройдете Кременки, а там повернете вправо и еще километров пять.

Мотовилов какое-то время пристально смотрел в ее лицо, стараясь разглядеть черты, то женское, о существовании чего он, казалось, уже забыл. Женщина снова поправила платок и сказала:

– Я председатель здешнего колхоза. – Назвала фамилию, которую он в памяти не удержал. Потому что запоминать ее в то мгновение казалось ненужным, лишним. Фамилия очень простая. У него в роте не то двое, не то даже трое солдат с такими фамилиями. – А мы тут решили зерно семенное по дворам раздать. Чтобы немцам наше добро не досталось. Звонила в район, там никто не отвечает. Вот, собрала правление, и решили раздать людям. Весной соберем. – Она на минуту замолчала, приблизила к нему сияющий овал своего лица и спросила: – Вы ведь их сюда не пустите?

Мотовилов увидел, как шевельнулся ее красивый рот, почувствовал, как похолодело у него в груди и от ее неожиданного вопроса, и той искренней интонации, с которой он был произнесен, и кивнул:

– Да, будьте спокойны. Мы отсюда не уйдем. А с зерном... Правильно решили. – И, приложив к фуражке ладонь, отрекомендовался: – Старший лейтенант Мотовилов.

Теперь, снова и снова перебирая в памяти все, что произошло этой ночью, Мотовилов корил себя за эти самонадеянные, пафосные и глупые слова. Не уйдем... Обработают «лаптежниками», пустят танки – и не соберешь ты, Мотовилов, свою роту, этот ненадежный и разношерстный московский сброд. Не уйдем... Самое скверное, думал он теперь, что его слова мог слышать и младший политрук Бурман, и кто-нибудь из взводных, и даже бойцов. Лучше бы промолчал. Но, с другой стороны, ей, председателю, надо было что-то сказать. Что-то правильное и обнадеживающее. Иначе зачем они сюда пришли, зачем беспокоят ее вопросами о дороге на ту деревушку, которая определена как конечный пункт, ближайшая цель их внезапного ночного марша, тот рубеж, который, возможно, решит судьбу многих, не только их Третьей роты.

И все-таки он сказал правду. Для себя он ее уже определил. Хотя за роту по-прежнему не ручался.

А председателюша чем-то похожа на Тасю. Вот что в ней разволновало Мотовилова. Только, подумал он, может, росточком поменьше да взгляд посмелее. Все же – начальница. Должно быть, подумала, что он тоже из ополченцев. Для кадрового старшего лейтенанта все же староват. И Мотовилов поморщился.

Глава вторая

История старшего лейтенанта Мотовилова

Первую атаку батальоны отбили удивительно легко. Когда волны немецкой пехоты начали откатываться от линии их окопов, полковник Мотовилов приказал «сорокапятчикам» сосредоточить огонь на бронетранспортерах. Чтобы как можно больше их осталось перед обороной полка. Вид подбитой, особенно горящей техники врага действовал на личный состав самым лучшим образом. Горят! Вот и бей их дальше! «Гробы»³ как прозвали бойцы немецкие полугусеничные вездеходы, медленно двигались по флангам наступающих взводов, молотили из крупнокалиберных пулеметов, плотно прикрывая настильным огнем свою пехоту. Мотовилов сразу отметил грамотную организацию атаки. Забеспокоился, не запаникуют ли на стыке первого и третьего батальонов. Но когда начали бить орудия ПТО, когда загорелся сперва один «гроб», потом другой, стало понятно, что характер и ход боя изменились. Артиллеристы стреляли экономно, с большими паузами. И Мотовилов вскоре понял, что за причина заставляла расчеты после каждой серии выстрелов менять позицию. Из леса, видневшегося над Десной метрах в шестистах, по позициям прямой наводки вело огонь одиночное орудие.

– Верченко! – позвал он к стереотрубе командира артдивизиона, приданного полку три дня назад. – Взгляни. Видишь, из ельника торчит? Твои, видать, увлеклись ближними целями, не видят. Скажи, чтобы срочно накрыли.

Вторую атаку немцы предприняли через час с небольшим. Ее тоже отбили. А ночью на их участке по ту сторону Десны заурчали моторы. Мост через Десну взорвали еще их предшественники, саперы 100-й стрелковой дивизии, которую они здесь сменили несколько дней назад. Но левее насыпи и черных свай, срубленных мощным взрывом, в стереотрубу виднелся брод и каменистое мелководье. А по нему танки могли пройти тем же походным маршем, что и по мосту. Брод плотно минировали, прикрыли, чем могли, – взводом ПТО, двумя «сорокапятками» с достаточным количеством бронебойных снарядов. Там же, у брода, окопалась в полном составе полковая разведка, тогда еще полнокомплектный взвод во главе с лейтенантом. О договоренности со штабом соседней дивизии, что, если немцы танками попрут через брод, те им помогут залпом-другим реактивных минометов, полковник Мотовилов старался не думать. У соседей гремело не переставая, и им, видать, было не до них. К тому же в возможность поддержки его стрелкового полка огнем такого грозного оружия, как «катюша», он верил так же, как и в поддержку авиацией. Хотя об этом говорилось в каждом приказе.

Полк Мотовилова занимал участок обороны 100-й дивизии, которую буквально накануне немецкого наступления⁴ отвели во второй эшелон для отдыха и пополнения. Дивизия была

---

³ Имеется в виду бронетранспортер «ханомэг» («Hanomag» Sd.Kfz 251). Средний полугусеничный бронетранспортер. Предназначался для транспортировки мотопехотного отделения. Создан на базе полугусеничного артиллерийского тягача Sd. Kfz.11 фирмами Hanomag (шасси) и Bussing-NAG (бронекорпус). Производился серийно сразу несколькими фирмами в четырех базовых вариантах, отличавшихся друг от друга в основном конструкцией корпуса. С июня 1939 г. по март 1945 г. изготовлено 15 252 машины. Основными модификациями были: основная серийная модель с открытым сверху бронекорпусом; самоходный миномет; машина связи и артиллерийский тягач. В данном случае на позиции полка полковника Мотовилова вышли бронетранспортеры основной модели. Они, как правило, вооружались одним или двумя пулеметами. Экипаж 12 (2+10) человек. Боевая масса 9 тонн. Вторая модель – самоходный миномет – имела следующее вооружение: 80-мм миномет sGrWf34 находился внутри кузова с боекомплектом 60 выстрелов, пулемет MG-34 с боекомплектом 2010 патронов. Экипаж 8 человек. Машина связи оснащалась различными, в зависимости от назначения, радиостанциями, такими как FuG 4, FuG 5, FuG 6... Артиллерийский тягач для буксировки легких пехотных орудий калибра 75 мм, 105-мм легких полевых гаубиц и противотанковых пушек калибра 37 мм, и 75 мм. Экипаж 7 человек. Вооружение – один пулемет MG-34.

⁴ Имеется в виду второе наступление немецких войск на Москву, которое получило название «Тайфун». По количеству задействованных пехотных, танковых и моторизованных дивизий, вооружения, других ресурсов операция «Тайфун» на тот период была самой мощной операцией, проведенной германским вермахтом во Второй мировой войне.

изрядно потрепана в августовских боях на Ельнинском выступе. Полк Мотовилова, как отдельная единица, подчинялся напрямую штабу армии. Так что приказы с обещаниями и артиллерийской, и авиационной поддержки приходили оттуда. Потом, уже когда отступали, на боевое охранение вышел офицер связи, который на словах передал приказ командарма о переподчинении полка соседней дивизии. Дивизии той уже не существовало. Полк же пока сохранял свой состав, дисциплину и отходил сосредоточенно, с короткими арьергардными боями. Так что полковник Мотовилов из того приказа понял главное: теперь он подчиняется сам себе, одним словом, помощи ждать неоткуда.

Из второго батальона, который прикрывал переправу, пришел связной и доложил:

– С правого берега, со стороны противника, слышен гул танковых моторов. Снайпер второй роты обстрелял их разведку.

– Где? Где обнаружили разведку? Почему решили, что это именно разведка? – Мотовилов посмотрел на своего начштаба. Тот, как всегда, слушал молча и внимательно, накапливая вопросы к концу доклада, чтобы не сбивать с толку связного.

– Здесь, на переправе. – И сержант ткнул пальцем в карту, разложенную на столе и придавленную керосиновой лампой. – Трое. Шестами глубину измеряли. Там старые колеи. Вот они их и обследовали. Еще двое в кустах сидели. Прикрытие. Так действует разведка.

– А может, саперы? – снова не выдержал Мотовилов.

– Нет, товарищ полковник, не саперы. Ни одной мины не тронули. Не за ними приходили. У них порядок такой: каждый делает свое дело.

– Значит, искали брод для танков. Так?

– Похоже.

Все противотанковые орудия они сконцентрировали у брода.

– Значит, так, – приказал он своему начштаба, – прикажи боевому охранению, чтобы саперов, если снова появятся на переезде, не трогали. Пусть расчищают брод. Как только закончат, а закончат они быстро, тут же отогнать двумя-тремя пулеметными очередями. После этого брод снова плотно заминировать. В том числе и противопехотными минами.

На рассвете рокот моторов усилился. Но вначале им пришлось пережить налет пикировщиков. Две стаи по семь-девять машин все утро висели над позициями полка. Он знал, что бомбардировка, даже прицельная, большого урона его полку не причинит. Беспокоило одно: орудия прямой наводки, на которые в предстоящем бою он возлагал все надежды, сконцентрированы в одном месте, и, если немецкая разведка их обнаружила, то «лаптежники» смешают их позиции с землей и это может произойти в любую минуту. Ночью, как он и предполагал, с той стороны появилась группа саперов и приступила к расчистке проезда. Им дали выполнить задание, с которым они сюда прибыли, чтобы они могли доложить о том, что проезд свободен, и обстреляли из пулемета. Следом за ними на переезд пришел саперный взвод лейтенанта Колесникова. Мины разложили в том же порядке. А по берегу набросали противопехотных.

Вместе с начштаба Мотовилов пришел проверить работу своих саперов. Все было сделано так, как он приказал.

Во время налетов ни одна бомба не упала на переезд и на дорогу. «Лаптежники» ходили вдоль линии окопов. Отбомбили тылы, медсанчасть. Досталось и артиллеристам, находившимся в тылу, на закрытых позициях. Но позиции прямой наводки, хорошо оборудованные за ночь и тщательно замаскированные, немецкие пилоты не заметили.

И вот все затихло. Батальоны начали приводить себя в порядок. Быстро расчистили завалы. Убрали убитых и раненых. Потери, как и предполагал Мотовилов, оказались небольшими. Правда, случилось несчастье в третьем батальоне – прямым попаданием накрыло батальонный НП. Все, кто находился в тот момент в землянке, погибли. В том числе командир батальона, начальник штаба и еще четверо человек. Все, кто оказался рядом.

А дальше все было просто. В жизни Мотовилова вообще не было каких-то необыкновенных приключений или даже событий. Все происходило просто и, как казалось Мотовиллову, естественно, так что ни радоваться чему-то неожиданному или, наоборот, огорчаться особо не приходилось. Вспоминая свою прожитую жизнь, ничего такого яркого он не припоминал. И человек он был простой, звезд с неба не срывал. Хотя к сорока годам дослужился до полковника. Но все его достижения по службе оплачивались такими мозолями, таким потом, что, когда начальство зачитывало приказ о присвоении ему очередного воинского звания, он уже не испытывал ничего, кроме усталости, тихой, правда, все же приятной усталости, которую, должно быть, как казалось ему, испытывал любой человек, справившись с очередной нелегкой работой.

Все было просто и на этот раз. Немцы пустили танки и пехоту. Значит, подумал с надеждой Мотовилов, соседи пока держатся.

Вначале немцам предстояло пройти через брод. Разведка их всю ночь обшаривала берег реки, но другой подходящей переправы на многие километры вверх и вниз по течению не оказалось. Мотовилов это знал. Берега крутые, обрывистые. Там и тут болотца, заполненные водой старицы. Местность для танкового маневра самая неподходящая. Только через брод. И вот тут-то, перед бродом, когда им пришлось вытягиваться в колонну, их накрыли орудия прямой наводки. Вот это был бой! Такого боя он больше не видел. Шесть танков и четыре бронетранспортера были подожжены в первые же минуты боя. Несколько подбитых машин немцы потом вытащили, отбуксировали назад, в лес. Луг за рекой буквально полыхал. Густой дым горящего топлива и железа тянуло через всю пойму. Батальоны приободрились.

До вечера немцы смирно сидели в лесу, за болотами. Урчали их тягачи – вытаскивали подбитую технику. Санитары собирали убитых и раненых. Лишь иногда оттуда прилетали два-три артиллерийских снаряда и ложились нецельно то в тылу, то по берегу реки. Полковой артиллерии полковник Мотовилов приказал молчать. Вечер тоже ничего нового не принес. Командиры батальонов нервничали, постоянно звонили на НП. Он тоже чувствовал, что это не та тишина, которая приносит покой.

Так и случилось. Ночью их попросту обошли с флангов.

А случилось это так. Поднялась стрельба в тылу. Мотовилов выслал туда разведзвод. Разведчики тут же завязали бой. Прибыл связной, доложил: до роты пехоты и мотоциклисты отсекали обозы, атаковали артдивизион, прорвавшихся сковали боем силы охранения, обозники и разведзвод, немцы медленно отходят к лесу, но севернее слышен шум моторов, возможно, идет подкрепление с танками и бронетранспортерами.

Из того опыта, который полковник Мотовилов приобрел на войне, он вывел несколько правил и следовал им, как уставу. Правило первое: если попал в окружение, выходить надо немедленно, пока противник не укрепился по периметру кольца, пока сам не уверен, что его взял, пока, возможно, существуют разрывы, незанятое пространство, куда можно вывести людей, вынести раненых, хозяйственную часть и вооружение. И вот полк пошел на прорыв. Прорвались. Из роты, оставленной прикрывать отход, их догнал один лейтенант и шесть красноармейцев. Но полк все же вышел, и батальоны заняли новый рубеж. Тогда Мотовиллову казалось, что соседи тоже сражаются, что вот-вот подойдут части второго эшелона и они восстановят положение, вернут утраченные накануне позиции. Однако офицеры связи и разведка приносили мрачные новости: соседние дивизии отходят в беспорядке, немецкие танки прорвались на всю глубину обороны, второго эшелона не существует, фланги полка оголены, леса забиты бегущими красноармейцами и медсанбатами, войска перепутались, кто какого полка, не понять, неразбериха, паника...

Вскоре выбрались на Варшавское шоссе. Тут хоть стало понятно, где они и сколько километров бежали. Бег надо было прекращать. Вечерело. Нашли подходящее место, остановились. Окопались. Рядом, по южную сторону дороги, держал оборону свежий батальон, неизвестно

откуда появившийся, как оказалось, всего лишь часом раньше их. Вечером, чуть только начало темнеть, со стороны Рославля подошел дивизион ПТО и две установки «катюш» с большим запасом снарядов. А ночью параллельной дорогой вышли два КВ. Командиры экипажей осмотрели их оборону, посоветовались и тоже начали окапывать машины у дороги.

Пока они окапывались, мелкие подразделения и одиночки, где-то там, западнее и северо-западнее, вырвавшиеся из окружения, выходили на линию окопов полка и батальона. Некоторые брели по дороге, усталые и голодные. Чаще всего ими командовал какой-нибудь старшина или сержант. Другие, более собранно и осторожно, держась от шоссе на расстоянии, пробирались проселками. Они сохраняли порядок, несли оружие, раненых.

Одну из таких групп Мотовилов остановил на дороге в лесу. Человек двадцать пять. Все с винтовками. Две подводы. Одной управляла женщина с петлицами сержанта медицинской службы. Другой – старик в гражданском. Из колонны навстречу ему вышел младший лейтенант и доложил: такой-то взвод, такой-то роты, такого-то стрелкового полка, следует туда-то...

– В Медынь, говоришь? – Мотовилов еще раз осмотрел младшего лейтенанта и его взвод. – А что тебе делать в Медыни? Занимай оборону здесь.

– У меня приказ, – нахмурился младший лейтенант. – Сборный пункт полка – Медынь.

– В бою бывали?

– Бывали. Трое суток – непрерывный бой. Пока не вырвались.

– За три дня непрерывного боя слишком маленькие потери, товарищ младший лейтенант!

Младший лейтенант оглянулся на вереницу своих людей, на подводы и спокойно сказал:

– Это все, что осталось от батальона, товарищ полковник. Командир батальона майор Свиридов тяжело ранен и не приходит в сознание. – И младший лейтенант шагнул к ближайшей повозке, где лежали, плотно прижатые друг к другу, раненые.

Он, полковник Мотовилов, в сущности, был в таком же положении.

– Ладно, поезжайте. Комбата постарайтесь довести.

Младший лейтенант устало поднес ладонь к пилотке и подал команду продолжить движение. Ладонь его дрожала. Мотовилов задержал взгляд на этой дрожащей ладони младшего лейтенанта и спросил его:

– А почему не идете по шоссе? По шоссе быстрее.

– Нет, мы пойдем так, как шли. На шоссе часто налетают самолеты. К тому же их мотоциклисты время от времени перехватывают шоссе. Я должен вывести людей на сборный пункт. Таков приказ майора Свиридова. Разрешите выполнять?

– Да, выполняйте.

Когда младший лейтенант докладывал, назвал свою фамилию. Но Мотовилов по привычке не обращать внимание на малозначительное тут же забыл ее. Переспрашивать посчитал неуместным. Этот младший лейтенант с колонной разбитого батальона ему понравился. Потом часто вспоминал его. Они, по сути дела, делили одну судьбу. Разница заключалась только в том, что полковник Мотовилов нес ответственность за свой полк да за приставших к нему в пути, а этот младшой тащил за собой весь батальон вместе с тяжелораненым комбатом. Кажется, Старцев его фамилия. Или Стариков. Не запомнил, а стоило.

Немцы появились на рассвете. Вначале несколько мотоциклов выскочили из-за бугра, остановились. Мотоциклисты рассматривали их оборону в бинокли, переговаривались. Потом, словно ради развлечения, постреляли из пулеметов, покричали: «Иван! Иван!» Развернулись и уехали. Появились танки. Танки шли колонной, не осторожничая, словно разведка им не доложила о том, что впереди русские окопы. Их сразу подожгли «сорокапятчики». Реактивные установки сделали несколько пусков по шоссе и в глубину. Снаряды летели вразброс, каждая огненная стрела, казалось, уходила по своей траектории. Гвардейцы быстро зарядили свои установки, подкорректировали прицел и сделали еще один залп. На этот раз снаряды легли куч-

нее, заметно расширив просеку дороги. После двух залпов гвардейцы быстро снялись и уехали на восток, в сторону Юхнова. Действия свои с ним, полковником Мотовиловым, к которому как-то само по себе перешло руководство стихийно образовавшимся на Варшавском шоссе боевым участком, они не согласовали, позиции свои покинули, можно сказать, самовольно. Правда, командир дивизиона еще перед боем предупредил Мотовилова, что у них своя задача и задерживаться здесь, на промежуточной и внеплановой позиции, они не имеют права. Потом, в госпитале, когда писал донесение, он на всякий случай не стал даже упоминать о гвардейцах-минометчиках, которые в первые минуты боя так лихо помогли им, а потом так же лихо драпанули. Упомянул только, что подошли две установки, сделали несколько залпов и отошли восточнее, что действовали по своей инициативе. Вот и все. В сущности, так оно и было.

Перед боем Мотовилов видел лица солдат и командиров. Слышал, как они переговариваются между собой.

– Слышь, Митурин, – говорил один боец другому, – ты письмо жене написал?

– А я неженатый.

– Ну так матери напиши. Так, мол, и так, к смертному бою готовимся.

– Зачем ее расстраивать?

– Не в том дело. Если убьют, весточка домой полетит. Найдут в кармане письмо. О, так это Петька Митурин! – И боец хрипло засмеялся.

Никто его шутку не поддержал. А Митурин спросил:

– И кого мы тут защищать собираемся?

– Лес да болото.

Их разговор молча слушали другие бойцы. Один из них сказал:

– Дураки вы несознательные. Ро-ди-ну! Родину мы здесь защищаем! Понятно? Вот деревня неотесанная! Не зря говорят, что у вас там каждый третий – кулак. Затаившийся недобитый кулак.

– При, дура! – вмешался в разговор еще один боец. – Митурин танк ползал добивать. Что-то я тебя там во время боя не видел. Небось позади сидел, в окопах? И сейчас у тебя, я вижу, ни одной бутылки с горючкой нет.

– Ладно, братцы. Что нам делить? Жизнь у каждого своя. А смерти... Ее на всех хватит.

В окопах затихли. Только лопаты постукивали. Да кашель слышался там и тут.

Нравились Мотовилову солдатские разговоры. В них сразу все вываливалось наружу. Никто не хитрил, не таился. Народ в окопах был, конечно, разный. И попадались среди бойцов такие, кто не прочь был спрятаться за спину товарища. Но это быстро становилось явным. На первый случай списывали на обычный человеческий страх. Посмеивались, шупали оплошавшему штаны, нюхали воздух. Но тут же забывали. Второй бой показывал человека снова. Тут все и выявлялось, куда ты гож. Так, по достоинству, вынесенному из боя, к тебе и относились.

Когда готовились к бою на шоссе, настроение у людей было паршивое. Все из-за того, что он не мог объяснить командирам подразделений и бойцам, где они, где противник, где наш фронт, кто позади, кто впереди. Полное отсутствие какой-либо информации. Задача же была простой и в то же время не вполне ясной: «Держаться».

Однажды, уже перед сумерками, на шоссе появилась легковая машина. Мотовилов издали разглядел ее в бинокль. Ворохнулась надежда: штабная! Так оно и оказалось. Когда патруль остановил легковушку, из нее выскочил злой и испуганный майор и понес такую окоlesiцу, что всем, кто стоял рядом, показалось, что тот не в себе. Мотовилов расстегнул кожаный реглан, чтобы тот увидел его полковничьи петлицы. Может, это, решил он, немного успокоит майора.

– Вы кто? Доложите по форме, товарищ майор, – оборвал он майора, давая тому понять, что здесь пока царят порядок и воинская дисциплина и командует этим порядком он, полковник Мотовилов.

Майор снова понес какой-то бессвязный бред, из которого, однако, можно было понять, что он работник штаба 33-й армии Резервного фронта, что фронта уже не существует, что немцы прорвались повсюду и с минуты на минуту будут здесь. Майор все время оглядывался на машину.

– Откройте дверь, – приказал Мотовилов. – Кто там еще с вами?

Мотовилов заглянул в машину и на заднем сиденье увидел еще двоих пассажиров. Звание одного не разглядел. А на другом, видимо, самом старшем из них, были петлицы комбрига.⁵ Комбриг был молод, лет тридцати пяти – сорока. Тщательно выбрит. Глаза смотрели настороженно, но в этой настороженности чувствовалась самоуверенность, готовая в любое мгновение разразиться громами и молниями в адрес любого, кто посмеет задерживать его на дороге хотя бы еще одну минуту.

– Комбриг ранен. Командующему срочно нужна медицинская помощь, – услышал он за спиной уже более внятные слова майора.

Комбриг же напряженно молчал. Лицо его сделалось более спокойным и терпеливым. Вид порядка на дороге, окопы и готовые к бою бойцы, должно быть, вернули ему некоторую долю чувства самообладания.

– У нас есть хороший врач, – предложил Мотовилов и тут же спохватился, вскинул к фуражке руку и доложил: – Сводная группа в составе...

Комбриг с мучительной усталостью закрыл глаза. Доклад командира сводной боевой группы в составе таком-то, занявшей рубеж на таком-то километре дороги Бобруйск – Москва, его не интересовал.

– Ему нужен *хороший* врач, – с прежним ожесточением выкрикнул майор. – Пропустите нас!

– Разрешите выполнять поставленную боевую задачу? – рявкнул полковник Мотовилов неожиданно громко, так что качнуло штык часового, стоявшего справа от него. Мотовилов все еще не терял надежды разговорить комбрига и хотя бы разузнать у него, что происходит вокруг, чтобы понять, как действовать дальше. Тот, как показалось ему, кивнул, не открывая глаз.

Начштаба, стиснув зубы, шептал Мотовилову:

– Комбриг в порядке. Не ранен. Они просто бегут. Остановите их. Прикажете выйти из машины. Ему место не в тылу, а в кювете.

Но Мотовилов махнул рукой и приказал пропустить легковушку с комбригом.

– Такие хуже обосравшихся бойцов. Тех хоть можно отмыть и посадить в окоп. И они будут стрелять! И, если выживут, после второго или третьего боя станут хорошими солдатами. А эти...

– Ну да, – не без иронии согласился начштаба. – Этим вначале надо в дом отдыха. В санаторий. Фрикаделек поест.

Свое решение пропустить штабную машину в тыл полковник Мотовилов принял, руководствуясь вторым фронтовым правилом, которое, впрочем, действовало и до войны: не скидывай голову перед старшим по званию и должности, в противном случае это тебе потом зачтется. Тому же он учил и своих комбатов. «Не залупайся! Слушай, что тебе говорят!» – вот какую армейскую истину вдалбливал он особо ретивым, и делал это довольно грубо, с под-

---

⁵ Комбриг в РККА являлся промежуточной ступенью между полковником и генерал-майором. Связано это было с тем, что в действующей армии стало достаточно распространено тактическое соединение больше полка и меньше дивизии. Комбриг имел в петлице один ромб. Персональное звание «комбриг» введено в 1935 г., хотя должность командира бригады существовала значительно раньше. Обычно комбриг командовал бригадой, редко – дивизией. В военно-политическом составе ему соответствовало звание бригадного комиссара. В 1940 г. в связи с введением генеральских званий представители высшего комсостава, в том числе комбриги, были проаттестованы. Тем не менее даже с началом Великой Отечественной войны некоторые из них продолжали носить звание комбрига. Связано это было с несколькими причинами. Во-первых, некоторые комбриги в связи с недостаточно удовлетворительным исполнением служебных обязанностей аттестацию не прошли. Во-вторых, в период аттестации довольно многие из них находились в заключении и не имели возможности вовремя пройти аттестацию.

черкнутой фамильярностью. Возможно, именно поэтому его прививки приживались не сразу. И среди комбатов попадались тонкие натуры, из интеллигентов.

Вот и тут, на шоссе, увидев на гимнастерке сидевшего на заднем сиденье ромбики комбрига, он машинально вытянулся.

Позже он узнает, кого остановило его охранение в тот вечер на Варшавском шоссе.

Полк, стрелковый батальон, противотанковый дивизион и два экипажа КВ со своими машинами остались выполнять поставленную задачу на прежнем рубеже. Задачу ставил командир боевого участка, то есть полковник Мотовилов.

Ночью они пропустили через свои порядки отступающие группы 17-й и 113-й стрелковых дивизий. Это были дивизии той самой армии, командующий которой несколько часов назад, через своего адъютанта сказавшись раненым, бежал в тыл, бросив даже штаб, не только что дивизии.

– Ребята, уходите! – кричали раненые с повозок, когда его бойцы спрашивали, что там, за лесом.

– Сила идет страшная!

– Танки! Самолеты! А у нас на все отделение одна противотанковая граната!

– Прекратить разговоры! – пресекали пораженческие настроения командиры и политики. – Шире шаг!

– Да уж куда шире! Штаны рвутся!

Озлобленный вид отступавших бойцов, неразговорчивость командиров, потерявших влияние на своих подчиненных, невладение оперативной обстановкой – все это сильно подействовало и на Мотовилова. Он приказал отправить с отступающими свой обоз с ранеными. Легкораненых тоже сформировали в группу. Старшему группы лейтенанту Колесникову он приказал:

– Володя, назначаю тебя командиром группы охраны. За обоз отвечаешь головой. Оружие взять с собой.

Когда раненые ушли на восток, он вздохнул с облегчением.

Утром бой возобновился. Но теперь он принял иной характер. Немцы начали обтекать их фланги небольшими, числом до взвода, подразделениями на мотоциклах и бронетранспортерах. Ночью их разведка, конечно же, обследовала район и выяснила, что перед ними не больше двух батальонов с небольшим усилением, что фланги прикрыты только болотами и лесом. Да одиночными пулеметами. Но в лоб все же не полезли. Не хотели они терять людей здесь, в двухстах километрах от Москвы.

Мотовилов с комбатом, бойцы которого окопались слева от шоссе, решили так: войско у них невеликое, но позиция удобная, по правому и левому флангам болота, уходящие в леса на несколько километров, танки там не пройдут, так что путь им один – только через них. А значит, задержать их можно только здесь. Таким образом, задача поставлена правильно.

Держались до вечера. Мотовилов смотрел в бинокль на то, как низовой ветер густо размазывает по просеке маслянистый вязкий дым горящих танков, прислушивался к густеющей в лесу справа и слева от них стрельбе и радовался только одному, что обоз с ранеными уже далеко и лейтенант Володя Колесников, этот храбрый и пылкий мальчишка, останется живым. В последние недели он опекал его как сына. У Мотовилова не было детей. Женился поздно. Тася вначале откладывала. Не до детей. Потом, потом... Так никого и не родили.

Тасю они похоронили под Минском у дороги в неглубокой воронке, расширив ее саперными лопатами. Могилу копали Володя Колесников и водитель полуторки. Когда начали закапывать, шофер окликнул их: «Тут еще девочка, товарищ полковник!...» Водитель держал на руках тельце ребенка, оправляя на нем заляпанное кровью платице. Девочке было лет пять, не больше. «Клади рядом», – приказал он.

Следующей ночью они пошли на прорыв. Прорывались в сторону Спас-Деменска. Потому что шоссе позади них было уже перехвачено, и оттуда в обратном направлении, а значит, понял Мотовилов, по их душу, двигалась колонна немцев. Тыловое охранение уже вступило с ней в боестолкновение и, теснимое превосходящими силами, отходило к основным позициям. Медлить было нельзя. Они быстро снялись и двумя параллельными колоннами пошли на прорыв. Немцы, не ожидавшие ночной атаки, расступились почти без боя. Так и прорвались. По первой фронтовой заповеди Мотовилова. Если бы остались в окопах до утра, как предлагал комбат, ни разу еще не побывавший в окружении, брели бы сейчас в колонне военнопленных в немецкий тыл, в сторону Рославля. Спас-Деменск обошли с севера. Однажды, уже за Спас-Деменском, где-то перед Всходами, догнали немецкую колонну. Три бронетранспортера, около дюжины подвод, нагруженных какими-то ящиками. На трех подводах солдаты. Вооружены в основном винтовками. Но на головной подводе пулемет. Разведчики объехали колонну на трофейном мотоцикле. Доложили. И он принял решение атаковать их прямо в поле, не дожидаясь, когда они подойдут к райцентру Всходы. Тогда ему казалось, что немцы заблудились, беспечно двигаясь по территории, занятой советскими войсками. Советских войск здесь, так же, как и во Всходах, и на десятки километров к востоку, уже не было. Вернее, они были. Были вокруг. Тысячи, десятки тысяч, рассеянные по лесам, расплывшиеся в пространстве между Вязьмой, Спас-Деменском и Сычевкой. Но это были уже не войска. Как загнанные, преследуемые охотой звери, они прятались в чащах и оврагах. Лишь иногда они выходили на просеки и дороги. Либо сдаваться. Либо попросить кусок хлеба.

Мотовилов запомнил один случай той ночи. Когда обходили Спас-Деменск, еще до встречи с попутной немецкой колонной, на дорогу перед их грузовиком вышла группа бойцов с поднятыми руками. Уже налегке, без винтовок. С одними тощеватыми «сидорами» да котелками на поясах. Винтовки лежали у ног. Человек двенадцать. Бледные, обросшие пятидневной щетиной лица. Испуганные глаза. Сгорбленные, постаревшие фигуры. Эти люди смирились уже с самым худшим. Те, кого вел он, тоже были измотаны, но в них еще не оборвался тот главный нерв, который напоминал бойцу, кто он есть, кроме того, что он человеческое существо, нуждающееся в крове и пище. Батальонный комиссар Горленко, сидевший рядом, сказал:

– За немцев нас принимают. Из пулемета бы их, мерзавцев.

– Не их вина, что они доведены до такого состояния, – неожиданно вырвалось у Мотовилова то, о чем он давно и со злостью думал вопреки всему тому, что говорилось и предписывалось свыше.

– Оставьте эту риторику при себе, Степан Фомич. Для особых минут. Угрызениями совести будете наслаждаться наедине с собой, когда вас бойцы не видят.

Батальонный комиссар Горленко был человек начитанный, знал немецкий, английский и даже французский языки, но и солдатскую жизнь знал во всех ее проявлениях. В критические минуты становился жестоким и непреклонным, так что даже Мотовилов его опасался. Пустить бойцу или младшему командиру пулю в лоб в разгар боя, когда комиссару казалось, что тот не выполнил приказ из-за собственной трусости, ему ничего не стоило. На досуге комиссар Горленко тоже любил поговорить на отвлеченные темы – интеллигентный человек. И в этом смысле Бурман напоминал Мотовилу комиссара Горленко. Но только в этом.

– А ну-ка, останови, – приказал Мотовилов шоферу. Он вдруг понял, что сам должен прекратить эту нелепую сцену. Иначе инициативу возьмет в свои руки комиссар.

Водитель втянул голову в плечи и резко затормозил. Машину занесло на обочину, обдало грязью стоявших с поднятыми руками. Свет фар проскользнул вперед.

– Ну что, ребята, отвоевались? – Открыв дверь, Мотовилов встал на подножку. Другой рукой на всякий случай придерживал трофейный автомат. – Голодные, холодные, брошенные на произвол судьбы, в гриву-душу вас! Пожалеть вас, что ли?...

Стоявшие у обочины колыхнулись и разом всей оравой ломанулись в лес. Словно стая диких свиней, вначале принявших ослепительный свет автомобильных фар за восход солнца, а потом, внезапно почувствовав свою ошибку и одновременно смертельную опасность, ринулись они в спасительные дебри. Бежавшие сбивали друг друга с ног, топтали и вскакивали снова, норовя затоптать уже других. Слышались сдавленные звуки их голосов, в которых Мотовилов не мог различить ничего человеческого. Нет, это были уже не бойцы, которых можно было вести дальше. Ведомый порывом, который порой охватывал его в разгар боя, в самый пик опасности, он вскинул трофейный «МР40»⁶ лоя в колечко намушника серые спины и головы в глубоко надвинутых пилотках. Но почему-то не выстрелил. Что-то помешало ему тогда нажать на спуск. Какой-то пустяк. Быть может, то, что в руках оказалось немецкое оружие. Полосни он по серым спинам из трофея, и в его поступке появился бы новый смысл, с которым пришлось бы жить дальше. На войне не все продумаешь наперед, на войне приходится больше действовать. Но в те дни и ночи он был полковником, и ему необходимо было думать. Нет, остановил он себя, если все старшие командиры начнут действовать так, как комиссар Горленко... Нет. Пусть бегут в плен. Кто в плен, кто домой. Куда хотят. Может, еще одумаются. О дезертирстве домой он уже слышал от тех, кто присоединился к их колонне в пути. *По домам* – эта шальная и заразная фраза, наполненная погибельным для войска смыслом, загуляла и среди его бойцов. Многие из них родом были из Подмосковья. Отсюда, даже если пешком, считай, рукой подать. После Спас-Деменска, на лесной поляне, он выстроил весь личный состав полка, всех попутчиков, поставил боевую задачу, предупредил о строжайшей дисциплине на марше и подытожил такими словами:

– А кто сомневается или задумался о доме или немецком плене, пусть знает: ушел, значит, оставил товарища в беде, открыл противнику фланг, ослабил оборону. Офицерам и младшим командирам разрешаю стрелять таких на месте. На то имеется соответствующий приказ за подписью Верховного. И с ним вы все хорошо знакомы. Пока мы вместе, пока действуем сообща, мы – Красная Армия. Сила! Вот так, в гриву-душу...

Бойцы без командира, без приказа и без обеспечения очень скоро превращаются в стадо. В безвольное, пугливое стадо.

– Соберите винтовки! – приказал он своим бойцам. Те уже высыпали из машин, молча смотрели, что будет.

– Небось москвичи, – сказал один.

– Кто их знает, – отозвался другой.

– Блядский сброд. Повоюй с такими.

– Сдаваться вышли...

– Листовок начитались, думают, немцы им лапши в котелки накладывают...

– Винтовки-то, гляди, совсем новенькие.

---

⁶ «МП38/40» – пистолет-пулемет (автоматический пистолет), выпускавшийся военными заводами Германии, которым были вооружены солдаты и целые подразделения вермахта, СС, охранных и полицейских частей. Конструктор Генрих Фольмер совместно с фирмой «ЭРМА» запустил в серию свое изобретение буквально в канун Второй мировой войны. Конструкция 1938 г. мало чем отличалась от конструкции 1940 г. Фрезерованная ствольная коробка была заменена штампованной. Стала применяться точечная сварка деталей. Оружие сразу стало более дешевым в производстве, что, как известно, необходимо для вооружения массовых армий. Рукоятка затвора размещена с левой стороны. Не имел переводчика огня на одиночные выстрелы, как, к примеру, советский «ППШ». Невысокий темп стрельбы «МП» считался одним из достоинств этого оружия и позволял, при наличии определенных навыков, вести огонь одиночными выстрелами. Ударно-спусковой механизм и рукоятка запираания затвора были сконструированы таким образом, что совершенно исключали возможность самопроизвольного выстрела, чем, к примеру, грешили те же советские «ППШ». Во время Второй мировой войны испытывались пистолеты-пулеметы «МП40» с приемниками, приспособленными для установки сразу двух стандартных магазинов. Калибр – 9 мм. Длина ствола – 251 мм. Масса с патронами – 4,7 кг. Темп стрельбы – 350–380 выстр./мин. Прицельная дальность: 100–200 м. Емкость магазина – 32 патрона. Боекомплект – 6 магазинов. Первоначально предназначался для вооружения парашютно-десантных частей и экипажей боевых машин, в том числе танков. Затем, после Польской кампании, «МП38/40» начали вооружать пехотные части. В пехотной роте имелось 14–16 единиц «МП38/40»: командиры отделений, командиры взводов, офицеры. За время Второй мировой войны произведено около 1 200 000 штук этого вида стрелкового оружия.

– Аристархов! – разглядел он среди бойцов знакомого лейтенанта из батальона связи. – Проследи, чтобы все винтовки были розданы тем, у кого нет оружия.

– Слушаюсь, товарищ полковник! – козырнул лейтенант и тут же отдал распоряжение, чтобы оружие грузили под брезент.

Винтовки были не у всех. Перед самым Спас-Деменском, часа два назад, они встретили вот такую же группу, перебежавшую дорогу. Но те, догадавшись, что вышли на своих, облепили их машины, крича:

– Мы с вами! Возьмите нас!

Командовал ими сержант. На пятнадцать человек у них было две винтовки с семью патронами и один револьвер системы «наган». Сержант признался, что взял его у убитого младшего политрука, которого они похоронили утром после боя у дороги, где погибла их рота. Сержант говорил об окружении. Что дивизия разбита. Начальство разбежалось. Приказы никто не отдает. Что перед смертью младший политрук приказал пробиваться на юго-восток, к Варшавскому шоссе. Вот и пойми, где фронт, где тыл, где противник, а где свои.

Вскоре колонна остановилась снова. Вернулась выброшенная вперед разведка.

– Товарищ полковник, в поселке немцы.

Собрал всех командиров, танкистов, артиллеристов. Посовещались. Разведка доложила, что объезды плохие, орудия по ним не протащить. Да и танки могут завязнуть.

Старший лейтенант, командовавший взводом КВ, сказал, что горючее в баках на исходе и его машинам срочно нужна дозаправка. Все уже понимали, что схватки не миновать. Объехать стороной Всыходы, как объехали Спас-Деменск, не удастся.

Севернее, в стороне Вязьмы, гремело не переставая. Они шли туда. Там была их дивизия, с которой они должны были соединиться. Там они получают приказ на дальнейшие действия. Там он, наконец, накормит людей, даст им отдых. Там, возможно, получит пополнение. Там вступит в бой. Судя по канонаде, которая не сдвигается ни вправо, ни влево, фронт там держался. Может, основные силы подошли. Может, немцы натолкнулись на вторые эшелоны и те их остановили.

– Будем атаковать, – наконец принял он решение. – Сколько у вас снарядов?

– По шесть осколочных и по два бронебойных на каждую машину, – ответил командир взвода КВ.

Решили произвести огневой налет на казарму и окопы, отрытые у дороги, где немцы установили орудия прямой наводки и пулеметы.

Атаковали на исходе ночи. Ворвались во Всыходы. Часть немецкого гарнизона перебили. Часть успела отойти за реку Угру по большаку на Знаменку. Там, в двадцати километрах, проходило шоссе Юхнов – Вязьма. Там, как казалось им, были уже свои. Потому что не могло так быть, чтобы Вязьма и фронт держались, а важнейшая коммуникация, уходившая в тыл, не охранялась.

Пленных во время атаки не брали. И, как потом оказалось, напрасно. Местные жители ничего толком сказать не могли. Говорили только, что немцы шли весь день и всю предыдущую ночь, шли в сторону станции Угра и по большаку на Знаменку. Это была какая-то чепуха, абсурд, в который не хотелось верить. Значит, сержант оказался прав. Сержант был реалистом и знал, куда надо идти.

Все подтверждало самые худшие предположения: немцы вышли на тылы их армии, а может, и всего фронта. Потому что среди приставших к ним в пути были бойцы подразделений, о которых и Мотовилов, и начальник штаба, и комиссар Горленко слышали впервые. По Варшавке тоже шли части из состава и 33-й, и 43-й, и других армий.⁷

---

⁷ В ходе операции «Тайфун», целью которой германское командование имело взятие Москвы, под Вязьмой были окружены армии и части двух фронтов Красной Армии – Западного и Резервного. Всего, по различным подсчетам, которые до сих пор

Во Вскодах они заправили машины, танки и трактора, которые использовались в качестве тягачей для тяжелых орудий. Захватили несколько трофейных грузовиков. На них погрузили бочки и канистры с бензином и соляжкой. Мотовилов дал полку отдых – три часа на сон и прием пищи. Через три часа сняли охранение и выдвинулись в сторону Знаменки. Вскоре передовое боевое охранение завязало бой с немецкой колонной, которая двигалась со стороны Знаменки на Вскоды, как потом оказалось, с целью блокировать их группу и уничтожить ее, если они не сложат оружие. Пленный унтер-офицер, командир взвода связи, уверенным тоном человека, который не потерял контроля над обстоятельствами, твердил:

– Вы окружены. Русские армии обречены. В плен сдаются полками и дивизиями. Немецкие танки уже под Гжатском и Юхновом и стремительно продвигаются по шоссе в сторону Можайска и Медыни. Ваши армии в «котле»! Сдавайтесь! Я помогу вам. Сейчас ваши позиции будут подвергнуты обстрелу тяжелой артиллерии. Вы обречены.

К полудню они поняли, что немец прав, что они, по всей вероятности, совершили ошибку, взяв направление на Спас-Деменск и Вязьму. Надо было двигаться по Варшавскому шоссе на восток, в сторону Юхнова и Медыни. А ведь именно туда младший лейтенант повел остатки своего батальона. Значит, общее положение он знал лучше. Или меньше верил в благополучный исход.

Начался обстрел. За полчаса, пока длился артналет, они потеряли больше, чем во время боев на Варшавском шоссе и атаки на Вскоды. Когда все затихло, их атаковала пехота с пятью легкими танками. Атаку они отбили. Подожгли три танка. Один подбили. К нему тут же поползли саперы, заложили взрывчатку в ходовую и моторную части. Танк разнесло на куски. Но стоять в поле и ожидать очередного артобстрела и новой танковой атаки было, по меньшей мере, бессмысленно.

Во время боя со стороны Вязьмы к ним подошел дивизионный медсанбат со взводом охраны. Они, считая, что вырвались из окружения, рассказали, что произошло севернее и что там творится сейчас. Снова подтвердились слова сержанта. Выходило так, что они заблудились. И не просто заблудились, а с боем вошли в «котел», который немцы уже запечатали и укрепили внутренний и внешний фронты. Немцы, скорее всего, приняли их за передовые части войск, атакующих в направлении на Вязьму с целью деблокировать окруженные там дивизии и армейские управления РККА. Что ж, атаковали они действительно решительно, словно за их спиной стояли свежие части, которые вот-вот тоже двинутся вперед. Вот почему немцы сравнительно легко уступили им Вскоды. Правда, быстро опомнились и предприняли пробную контратаку ограниченными силами. Значит, времени у них не оставалось.

Чтобы не забираться в глубину «котла», Мотовилов снова прибегнул к первому фронтовому правилу. Не медля ни минуты начали прорыв на восток. Немцы там стояли пока еще редко. Вскоды покинули с той же быстротой и поспешностью, как и входили туда. Ушли в лес. Затихли. Разведка нащупала подходящее место для перехода. Сбили опорный пункт. Пошли лесами. Тяжелые гаубицы, оставшиеся без боеприпасов, пришлось взорвать. По лесному бездорожью тащить дальше их стало невозможно. Разобрали тракторы и тягачи. Запчасти побросали в болота. Что-то зарыли в землю, что-то порубили топорами до состояния непригодности. Дальше двинулись налегке. Разбились на несколько групп. Свой полк, вернее, то, что от него осталось, и дивизионный медсанбат Мотовилов повел сам.

не уточнены, в окружении оказались 36 стрелковых дивизий, 9 танковых бригад и половина арtpолков РК (31 арtpолк), существовавших на тот период, полевые управления четырех армий (19, 20, 24 и 32-й). Одновременно противник замкнул «котел» под Брянском, где окружил еще три армии Брянского фронта. В течение недели из строя были выбиты 13 армий из 16 оперативных объединений, удерживавших фронт на Западном стратегическом направлении. В плен под Вязьмой и Брянском было захвачено 673 098 человек. Среди пленных оказались командующие 19, 20 и 32-й армиями генералы М.Ф. Лукин, Ф.А. Ершаков, С.В. Вишневский, а также другие генералы. Трофеи вермахта: 1277 танков, 4378 орудий, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87 самолетов. На какой-то период перед Москвой образовалась огромная брешь шириной в 500 километров, совершенно не занятая войсками.

В жизни ему везло. Правда, не всегда. А еще точнее: везло до определенного возраста. В детстве и в юности точно везло, а потом, как он вскоре заметил, повзрослевшая фортуна стала воротить от него морду. А вначале жизнь и карьера летели прямо-таки галопом! Ну кто такой он, Степка Мотовилов из села Успенского, что под Пензой, был бы, если бы не случай? А случай выпал такой, что в их село в 1921 году вошел красногвардейский отряд. Да не просто отряд, а кавалерийская сотня. И командир красной сотни, увидев, какими глазами смотрит на них он, Степка Мотовилов, дал ему в руки повод своего коня и сказал: «Расседлай и выкупай в реке». Степка исполнил все в точности. «Молодец, – похвалил его командир. – Ну, что хочешь за услугу?» И Степка попросил подержать саблю. Просьба парня удивила кавалериста. Когда тот вынул из ножен шашку и подал ее Степке, в село шумно въехала еще одна сотня. Командир кинулся докладывать, потому что из автомобиля вышел краском, как оказалось, рангом значительно выше командира сотни. И не просто краском, а сам Григорий Иванович Котовский. И второй сотней был штаб его кавдивизии. К концу дня обе сотни выдвинулись в сторону соседней Тамбовской губернии. Там в это время бушевало восстание под руководством бывшего поручика Токмакова и народного учителя Антонова. Народ, измученный поборами продотрядов, сочувствовал тамбовским. Туда тайно убегали добровольцы. Степку Мотовилова поразила мощь, которая чувствовалась в той дисциплине и движении красногвардейских отрядов, шедших на подавление восстания, и он сразу понял, что тамбовским против такой силы и дисциплины не устоять. Он вызвался в проводники. Да так и остался при сотне, замеченный самим Котовским. Домой заглянул только через год, уже в форме красного кавалериста, на гнедом тонконогом коне под добротным седлом. Их полк направлялся в летние лагеря, находившиеся неподалеку, и Степка отпросился на двое суток повидать отца и мать. Так и закрутила его военная походная выюга, перевернула всю жизнь, наполнив ее новым смыслом. Потом учеба, курсы, продвижение по службе. Все было отдано службе. В конце тридцатых начались аресты. Но его не тронули. Служил он в ту пору в Орловском военном округе, в стрелковом полку на должности командира батальона. Однажды утром на построение не вышел комполка. Прошел слух: ночью арестован и отправлен в Орел. Началось следствие. Дознаватель из НКВД вызывал и его, командира первого батальона. Ничего плохого о полковнике Нестерове Мотовилов сказать не мог. Их связывали только служебные отношения. Полковник Нестеров в полк так и не вернулся. А вскоре Мотовилова, как командира первого батальона, назначили и.о. комполка и присвоили внеочередное воинское звание. Полк вскоре перебросили в другой военный округ и на его базе начали формировать стрелковую дивизию. В воздухе, как тогда уже в открытую говорили, пахло войной. Весной, за три месяца до 22 июня, вышел приказ о присвоении Степану Фомичу Мотовилову воинского звания полковник.

Через две недели скитаний по лесам и проселочным дорогам они, наконец, вышли к Наро-Фоминску. Сто двадцать три человека личного состава, при знамени полка и всей канцелярии, с ними медсанбат стигнувшей под Вязьмой дивизии 19-й армии. В Наро-Фоминске их направили на сборный пункт, где из способных держать оружие формировали маршевые роты и тут же отправляли назад, на запад, к Малоярославцу. Когда прошел слух, что из окружения вышел командир полка, полковник, его тут же вызвал к себе член Военного совета вновь сформированного Западного фронта.

Мотовилов находился в госпитале, на перевязке, когда пришел посыльный и доложил о том, куда и кто его вызывает. Осколком еще под Всьмиками, когда шли на прорыв, ему вспорол сапог, царапнуло ступню, так, неглубоко, по касательной. Но рана загноилась. Нога опухла, из сапога не пошла. Сапог пришлось резать. Хирург вскрыл рану, выпустил гной, обработал, забинтовал. Сапог сдал на починку. Был у него при штабе писарь, который и забрал его изувеченный сапог. Сказал, что к утру посадит голенище на новую колодку. Так что Мотовилову пришлось ковылять в комендатуру, где ждал его член Военного совета фронта, в одном сапоге. На другую ногу надел старый солдатский ботинок на два размера больше, найденный в гос-

питальной каптерке, и поверх бинтов примотал его к ступне солдатской обмоткой. Прожженную в нескольких местах шинель как мог почистил. Когда явился в кабинет коменданта, из-за письменного стола, заваленного картами и папками с бумагами, встал человек, которого он знал по фотографиям в газетах и журналах. Мотовилов вытянулся, вскинул к виску ладонь и начал докладывать. Но человек в генеральском френче его перебил:

– Полковник! Почему вы так плохо одеты? – Узкая, тщательно подбритая с боков профессорская борода члена Военного совета дернулась и застыла, подчеркивая напряженное выражение генеральского лица.

Надо было сапог все же обуть, пускай бы и разрезанный, запоздало подумал Мотовилов, мгновенно оценив обстановку и вдруг поняв, что первое фронтовое правило здесь, пожалуй, не сработает. Остается придерживаться второго. Чего бы это ни стоило.

Тут же, откуда ни возьмись, словно черт из табакерки, появился еще один, тоже в генеральском френче, но без знаков различия, чернявый, лохматый, суетливый. То, что без знаков различия, испугало Мотовилова. Не ниже генерал-лейтенанта, понял он.

– Вот, видите, Николай Александрович, с кем мы имеем дело, – засуетился лохматый генерал. – Я вам неоднократно докладывал. Как могут такие командовать полками?

Мотовилов вдруг понял, что сейчас, именно сейчас, в этом кабинете, решится его судьба. Как командира полка и полковника. А он-то, окопный сапог, думал, что судьба решалась там, на Варшавке и под Вскодами... Нет, брат, здесь. Все решается здесь. На то ты и полковник. Вот остался бы там, возле шоссе, в полуразрушенном окопе, в каких они оставляли своих убитых, и о тебе, глядишь, вспомнили бы как о герое. А теперь здесь, с жалкими остатками разбитого полка за спиной, кто ты есть? Вот и стой, Мотовилов. Стой перед ними, сытыми и опрятными, пахнущими дорогим довоенным одеколоном, тянись из последних сил, напрягай все свое терпение и не вздумай залупаться.

Генералы брезгливо осматривали его с головы до ног. Особенно возмущал их солдатский ботинок.

– Что у вас с ногой? – уже мягче спросил член Военного совета. – Ранены?

– Нет, пустяк. Стер ногу в пути. – Он ответил так потому, что боялся: его отстранят от командования полком, положат в госпиталь, а людей поручат кому-нибудь со стороны, чужому. Никто из старших командиров из окружения не вышел. Когда прорывались под Медыню, погибли батальонный комиссар Горленко и начштаба майор Павлов. Так что полк оставить было не на кого.

– Вот как драпал! – тут же засуетился лохматый генерал. – Нogu стер до крови! Лучше бы стер указательный палец! От спускового крючка!

Реплики лохматого, видимо, раздражали члена Военного совета не меньше, чем неопрятный вид Мотовилова.

– Полк дрался на всем пути, товарищ член Военного совета! Нами подбито и сожжено двадцать четыре танка противника, тридцать шесть...

– А почему вы оставили свои позиции? Если вы так храбро дрались, почему брошены окопы? – Лохматый вскочил со стула, забежал вокруг стола, задевая карты. – Вы что, не ознакомлены с приказом Двести семьдесят? Что скажете? Ознакомлены или нет? Или вам приказы Верховного Главнокомандования Красной Армии не указ? Почему молчите? Вы ознакомили с положениями и требованиями приказа номер Двести семьдесят своих подчиненных и рядовой состав?

– Так точно, ознакомлен. И личный состав с приказом ознакомили. – Слова у Мотовилова шли с трудом. В нем вскипала злоба. Но в какой-то момент он остановил себя: стоп, Степан, не залупайся, дальше – край...

– В приказе ведь ясно сказано: попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности...

– Так точно, – подтвердил Мотовилов.

– А вы как командир полка все свои возможности и возможности своего подразделения не исчерпали.

– Так точно.

– Что? Не исчерпали? Могли еще сражаться? Или не могли?

– Так точно.

Член Военного совета махнул рукой. Его нетерпеливый жест был обращен к лохматому генералу, но тот сделал вид, что ничего не заметил.

– Довольно, Лев Захарович, – с тем же нетерпением прервал член Военного совета допрос генерала в штатском.

Тот нахмурился и отвернулся к окну.

– Ладно, можете быть свободны, – снова махнул рукой член Военного совета. Рука его была белой, чистой, такую руку можно нажать только при высокой должности. На этот раз жест его был обращен к Мотовилову. – Все изложите письменно и передадите моему адъютанту. – И член Военного совета окликнул капитана, дежурившего в приемной.

Мотовилов вышел. Спина его была мокрой. Под Входами и Медыню было куда легче. Подумал: в гриву-душу твою... Хотел было и плюнуть сгоряча, да плюнуть было некуда – кругом было чисто, прибрано.

Капитан что-то сказал ему, кивнул на трофейный автомат, который Мотовилов оставил в приемной. Слова капитана не сразу протиснулись в его сознание.

– ...Николаю Александровичу... свой трофей... – кивал ему капитан, улыбаясь сочувственной улыбкой человека, который вдруг нашелся, чем помочь попавшему в беду.

– Что? Подарить автомат? – догадался он и обрадовался надежде. – Да это я со всем удовольствием. Доложите.

Член Военного совета на этот раз сам вышел в приемную. Мотовилов вытянулся и протянул ему свой «МП40», взятый в бою во время прорыва на Варшавском шоссе. Тот принял подарок и кивнул со сдержанной улыбкой.

Спустя два дня за ним пришли. Он вышел из госпитальной палаты. Трое с петлицами войск НКВД. Даже пистолет не сразу забрали. Знали, кого берут. Знали, что полковник Мотовилов лучше к стенке станет, чем побежит. От немцев не бегал. «ТТ» у него забрали уже на лестничной площадке, перед высокой дубовой дверью. Должно быть, это здание, в которое они его привели, совсем недавно было школой. А теперь служило и госпиталем, и гостиницей для командного состава. Здесь же размещалось несколько штабов и вот, как оказывается, судная изба, как говаривали в старину. Дубовая дверь пропустила их – и полковника Мотовилова, и его конвой – в просторную комнату, где сидели несколько человек в военной форме. Мотовилов тут только понял совершенно определенно, куда попал на этот раз. Чего больше всего опасался, то и произошло. Фортуна, как престарелая блядь, которой наскучил прежний ухажер, снова отвортила от него свое личико.

Военный трибунал разбирал дела быстро. Как будто старшина раздавал патроны. Писарь торопливо заполнял бланки и тут же подносил их к столу на подпись. Вот где дела идут хорошо, без заминок и сбоев, подумал Мотовилов.

– На основании статьи номер пятьдесят семь... по представлению товарища Мехлиса... – читал один из сидевших за столом. – Однако, учитывая ходатайство товарища Булганина и сложность военного положения, сложившегося в данный момент на Московском направлении... с понижением в воинском звании до старшего лейтенанта... и направить на ближайший сборный пункт... маршевую роту... на должность командира стрелковой роты...

Мотовилов вздохнул с облегчением. По сравнению с тем, что он пережил в последнее время... Суровый приговор Военного трибунала он воспринял как подарок судьбы. Полковничьи шпалы, должность, армейские привилегии... Да разве это потери? В жизни он потерял

большее. Тасю, боевых товарищей, с которыми служил еще до войны, полк... А полковничьи шпалы... Воевать можно и ротным командиром, и в звании старшего лейтенанта. Надо же, что его спасло...Трофей! Железяка, которую немец принес на Варшавку из своей сраной Германии! Спасибо немцу. А то бы шлепнули, не посмотрели, что людей вывел, знамя полка сохранил. За эти дни и ночи он насмотрелся на скорые суды и на то, как их вершат в оврагах и на лесных полянках армейские судьи и прокуроры. За Угрой, прямо возле шоссе, у насыпи, комендантский взвод расстреливал остатки стрелковой роты, самовольно оставившей позиции в трех километрах восточнее. Они проходили мимо как раз в тот момент, когда там неожиданно затрещали очереди. Так что и солдатом можно воевать. Хуже, когда вот так, к обрыву поставят... Не все ж там, среди них, виноватые были. Но об этом теперь лучше не думать. Теперь надо думать вот о чем.

– Прошу уважаемый Военный трибунал, – неожиданно даже для себя самого заговорил Мотовилов, – дать мне в подчинение в качестве стрелковой роты людей, которые вышли со мной из-под Выходов.

Трое сидевших за большим столом, покрытым плотной красной материей, переглянулись. Лица их показались Мотовилову такими же усталыми и изможденными, как и лица его солдат на Варшавском шоссе во время марша сюда, к Наро-Фоминску. Один из них, видимо, председательствующий, согласно кивнул и тут же потянулся к черному телефонному аппарату. Секретарь налег на перо с такой старательностью, что по бумаге черной пылью разлетелись мелкие чернильные брызги. Вот трудяга, подумал о нем Мотовилов, подумал с благодарностью, потому что понял: просьба старшего лейтенанта Мотовилова уважена и на фронт он попадет в самое ближайшее время и со своими людьми. В те минуты о большем он и не мечтал. Ему снова повезло. Автомата все же было жалко. Но потом подумал: не подари его генералу, и получил бы ты, бывший полковник Мотовилов, не решение с тремя кубарями в придачу, а приговор о высшей мере.

Глава третья

Дождь, мелкий, как туман, полыхал над жнивьем, над окопами ополченцев сизыми холодными волнами, срывал с редких берез, росших по обрыву берега, последнюю листву. Заставлял людей жаться к земле и меньше смотреть за реку, где вот уже несколько часов стояла необычная тишина. Казалось, даже дождь и порывы ветра не рождали там никаких звуков, и тоже таили ожидание.

Мотовилов не выпускал из рук бинокля. Смотрел и смотрел за реку, в поле, на кромку леса вдаль и вытекающий им навстречу узкий ручей раскисшего проселка.

– Гляньте-ка, товарищ старший лейтенант, – окликнул его часовой, – человек какой-то идет. Вон, со стороны дворов.

Человек шел по жнивью, держа прямо на позиции роты.

– Кто-то, видать, из местных.

Мотовилов вскинул бинокль. Точно, кто-то из деревенских.

– Разведчики, в гриву-душу их... Только по хлевам да чуланам и шоркали...

Человек, как видно, был не простой прохожий. Не доходя шагов тридцати до крайнего окопа, он изменил направление движение и, словно угадывая, кто тут командир и где его искать, повернул к НП Мотовилова.

– Ну, здорово, ротный. – И незнакомец, шумно потягивая толстую самокрутку, присел на корточки возле их окопа, прищурился от секущего по щекам дождя.

– Здорово-то здорово. Только кто ты такой и откуда знаешь, что я ротный и что нас тут рота?

– Не батальон же. На батальон вы не тянете. Для взвода – многовато. Да и ты, старшой, не в майорах ходишь. И даже не в капитанах. – И незнакомец кивнул самокруткой, зажатой, словно в тисках, в прокуренных пальцах, на петлицы Мотовилова.

Мотовилову будто со стрехи за шиворот потекло от этих слов незнакомца. Часовой, понимая ситуацию по-своему, перехватил винтовку на руку и качнул штыком.

– Отставить, – махнул ему Мотовилов. – А ты, уважаемый, не знаю, как тебя звать-величать, раз такой сообразительный, доложи-ка по форме: кто такой, откуда и по какой надобности к нам пожаловал? Не в колхоз пришел...

Незнакомец некоторое время, словно отмеряя в последний раз, смотрел на Мотовилова, потом вытащил из-за пазухи вчетверо сложенный листок и протянул его ротному:

– Что тут долго говорить. В бумаге все прописано, кто я такой. А почему здесь, скажу.

На вид незнакомцу было лет тридцать. Коренастый, в добротной крестьянской одежде. Спокойное лицо, умный взгляд, уверенный и тоже спокойный, как будто этот человек, пришедший к ним неизвестно зачем и почему, заведомо был уверен в том, что именно в нем нуждались здесь все эти люди, ковырявшие сейчас холодную землю по обрезу поля, и больше всех он, вот этот коренастый, мужиковатого вида пожилой старший лейтенант, которому по годам и по осанке впору бы быть полковником, на худой конец подполковником. А тут вот, оказывается, всего лишь ротный старший лейтенант. Старший же лейтенант тем временем внимательно осматривал чужака. Лицо ухоженное, сытое. Аккуратно подстриженная русая борода с редкими курчавыми сединками, которые, скорее всего, указывали не на годы, а на что-то другое, чего с годами порой и не нажить.

Мотовилов развернул изрядно потертую бумажку, поморщился. Подошел младший политрук Бурман:

– Что тут такое? Кто это? Что за бумага? Документ? Его? Интересно.

– Вот, читайте, это больше по вашей части. – И Мотовилов сунул Бурману бумагу.

– «При утрате не возобновляется», – прочитал Бурман.

– Да вы не бланк читайте, а самую суть! – почему-то разозлился Мотовилов.

– Я и читаю. «Справка. Дана гражданину Коляденкову Филиппу Артемьевичу, рождения одна тысяча девятьсот девятого года. Уроженец Смоленской губернии Мосальского уезда, деревни Подолешье. Ранее не судим. Осужденному народным судом Мосальского района Смоленской области третьего марта одна тысяча девятьсот тридцать шестого года по статье...» А зачем, собственно говоря, мы сейчас это читаем? – И Бурман выразительно посмотрел на ротного поверх оптических кругляшек своих очков.

– Читайте, читайте, Овсей Исаич, тут у нас мало литературы. Читайте. Все развлечение.

– «...По статье шестьдесят первая Уголовного Кодекса РСФСР». Он, что, выходит, беглый уголовник? «...с поражением прав на два года, что по отбытии срока наказания с явкой в Мосальский райвоенкомат... Из Каргопольского лагеря НКВД освобожден пятого сентября одна тысяча девятьсот сорок первого года и избрал место жительства деревню Подолешье Мосальского района Смоленской области. Выдано на проезд до станции Сухиничи-Главные... На жительство... до первого октября одна тысяча девятьсот сорок первого года. Начальник Управления Каргоплага НКВД СССР». Далее подпись. Подпись, прошу заметить, неразборчива. Так справка уже просрочена! Данный документ, по моему мнению, не может служить документом, удостоверяющим личность этого гражданина. – И Бурман, сдернув с мясистого носа очки, метнул на освобожденного взгляд человека, облеченного властью, вполне достаточной для того, чтобы в один час решить судьбу его.

Но у ротного на вчерашнего зэка, как понял Бурман, были другие виды.

– Так, Коляденков, Филипп Артемич, освобождены вы, выходит, пятого числа сентября. Так?

– Точно так, товарищ старший лейтенант.

– И что, целый месяц в дороге?

– Вот именно! – вмешался Бурман. – Уж очень, смею заметить, подозрительно и как-то, знаете ли, невероятно. А может, уже у немцев успел побывать? И заброшен сюда, в наш тыл, со спецзаданием?

– На поезд сейчас не сесть. Так что добирался оказией. Где как. – Коляденков говорил спокойно, так говорят уверенные в своей правде и в том, что в нее поверят. – А сюда... – Он оглянулся на деревню. – Сюда забрел случайно. Землячку встретил на станции. Заговорила она по-нашему, я сразу и подошел к ней. А потом выяснилось: Настя Свириденкова, из соседней деревни. Свириденкова – это ее девичья фамилия. Сюда, в Малеево, замуж вышла. Сейчас Фролова. Муж погиб на фронте. Летом еще.

– Когда вы сюда *забредли*? – продолжал допрос Бурман.

– Неделью назад. Думал, переночую и дальше пойду. Выйду на Варшавку, а уж там как-нибудь... А тут загремело...

– Складно у вас, гражданин Коляденков, получается...

– Да погодите вы, Овсей Исаич! Человек не за этим пришел.

– Пришел? Как пришел? Разве его не задержали? А куда, в таком случае, смотрят дозорные?

Мотовилов послушал поле, посмотрел на Бурмана, потом на Коляденкова и сказал:

– Через час, а может, и раньше здесь будут немцы. У меня в третьем взводе некомплект. Двое заболели. Я винтовку тебе дам. Винтовка найдется. И на довольствие поставлю. Но, смотри, я тебе не лагерный вертухай, мне твой шаг влево не понадобится. Если с чистым сердцем к нам пришел, то считай, что дошел ты, Филипп Артемич, до своего Мосальска и, как полагается, призван военкоматом и определен в воинское подразделение рядовым стрелком. Винтовку-то в руках держал?

– Дело знакомое.

– Ну да, небось не одну укоротил. Чтобы за пазухой носить. А? Статья-то у тебя, парень, кулацкая.

Коляденков побледнел, даже глаза потемнели, и отчетливее проступили морщины вокруг сомкнутого, будто из неживого камня вырубленного рта.

– Ладно, тут тебе приговор читать никто не будет. Сам себя не приговори. Багирбеков! – окликнул он младшего лейтенанта. – Принесите сюда винтовку и подсумок Панюшкина!

Через минуту ротный сунул в руки Коляденкову длинную винтовку, накинул на плечо подсумок и сказал:

– Вот и все. Теперь ты боец Красной Армии. Присягу примешь потом. Но сейчас поклянись, что пришел к нам, чтобы с врагом драться, а не с черными мыслями. Чем будешь клясться? Что у тебя самое дорогое? Кого в залог отдаешь? Мать? Жену? Детей?

– Мать моя умерла. Жены и детей нажить не успел. – Коляденков оглянулся в поле и сказал, глядя в глаза Мотовилову: – Могу землей поклясться. Дороже ее у меня ничего и никого нет.

– Ну что ж, клянись землей.

Коляденков опустился на колени, поцеловал землю, истоптанное, перемешанное с суглинком жнивье, и, глядя в сторону вереницы окопов, где замерли, наблюдая за необычной сценой, ополченцы, выдохнул:

– Клянусь родной землей бить врага до последнего своего дыхания.

Младший политрук Бурман, все это время молча метавший взгляды то на ротного, то на Коляденкова, то на бойцов, высунувшихся из своих окопов, возмущенно сказал:

– Черт знает что! Партизанщина! Водевиль! Ни в какие мыслимые рамки!... Я буду вынужден писать донесение.

– Если это входит в круг ваших обязанностей, пишите донесение. Только – кому? Никто раньше утра следующего дня его не прочитает. А до утра, Овсей Исаич, еще дожить надо. Займитесь-ка лучше кухней. Может, успеем роту покормить горячим. Заболеют ведь, и так кашляют, как каторжные...

Сырые полы торопливо захлопали вдоль окопов. Ротный даже не оглянулся на своего заместителя.

Коляденков осмотрел винтовку. Отвел затвор, заглянул в патронник. Вытащил из обоймы патрон и сунул его пулей вперед в лунку ствола. Пуля провалилась до каймы гильзы.

Этот старинный способ проверки качества винтовки Мотовилов знал еще по службе в эскадроне. У старых винтовок, которые много побывали в деле, стволы, как правило, немного поддуты. Бой у них паршивый, кучности нет. Но для молодых бойцов, для никудышных стрелков, задача которых в бою палить в сторону противника, опустошать подсумок напропалую, и такая хороша. В свежий ствол пуля идет до половины, не дальше. Поддутый ствол тоже можно выправить. Рассверлить и пристрелять заново. Но для этого нужны тиски, инструменты, время и хотя бы горсть расходных патронов для пристрелки. Ничего из вышеперечисленного, кроме сырых окопов по обреза поля, они не имели.

– Ну что, проверил?

– Проверил. На сто шагов и из такой не промахнусь.

– А на три сотни?

– На три сотни – другая нужна. Три сотни для нее многовато.

– Что, ворошиловский стрелок?

– Охотник.

– Белку в глаз? Да?

– Я охотился на крупного зверя. Волк, лось, медведь, россомаха...

– О! Звучит внушительно. Но война – не охота на медведя. А может, мне тебя к разведчикам определить? Нет, пожалуй, рановато. Слыхал, политрук и так грозился донесение подать?

И подаст. В гриву-душу... Подаст! А винтовку поновей после первого же боя себе подберешь. Если эту не бросишь. Когда немец на этом берегу появится.

– Не брошу.

– Тут, брат, хоть в нитку избожись, а если в деле ни разу не бывал... Ладно, держись возле стариков. С ними сам себя скорей узнаешь.

Коляденков, казалось, думал уже о другом. Он посмотрел вниз, на речку, и рассудил:

– А на эту сторону его и пускать не надо.

– Это ты правильно рассудил. Для того мы тут и оборону строим.

К полудню заметно потеплело. Даже ветер утих, а вскоре и вовсе будто прилег в дальних ложинах. Над окопами мягко зашуршало. Люди подняли головы. Мягкий, и правда что не снег, а лебяжий пух падал на землю, устилал сырое, исхлестанное дождями пространство.

– И где наш старшина запропастился? Вон уже и снег пошел, зима наступает, а его все нет.

– Пропадем с таким обеспечением.

– А ты курни. О похлебке и забудешь.

– Старшина – что? Рано или поздно отыщется. А вот когда полк подойдет? Видать, что германец раньше подкатит.

– Где он, полк? Есть ли он в наличности? В той стороне, где полк остался, вон какой грохот стоит...

Солдатские голоса меркли в окопах. Снег их придавливал, глушил. Но Мотовилов, проходя в сторону моста, где еще час назад окопалось и затихло промежуточное боевое охранение, понимал говоривших по обрывкам фраз, по самой интонации, с которой бойцы тосковали и о кухне, и о том, о чем думали сейчас все.

У моста он спрыгнул в пулеметный окоп, поговорил с номерами. В это время позади, за дворами и полем, косым и уже побелевшим платом уходившим на северо-восток, к самому горизонту, по-журавлиному вскрикнул маневровый паровоз. Там проходила узкоколейка, которая вела в Серпухов. Мотовилов послал туда разведгруппу. По его расчетам, она должна была вот-вот вернуться.

– Трояновский, – приказал он сержанту, – ваша задача, как я уже сказал, прикрыть огнем отход передового боевого охранения. Смотрите, не перестреляйте своих. Асеенков будет отходить вон по той балке. Их двенадцать человек. Запасные отрыли?

– Так точно, товарищ старший лейтенант, – козырнул командиру группы Трояновский.

В сержанте чувствовалась некая внутренняя пружина, которую он сам сжал и теперь умело придерживал, чтобы не она управляла им, а он ею. Видать, действительную отслужил, подумал Мотовилов, примечая следы умелой распорядительности младшего командира. Даже «гочкис» пулеметчики предусмотрительно сняли с бруствера и опустили на дно окопа, прикрыв сверху дерюжкой. А в деревню все же сбегали, не утерпели, догадался он, но ничего не сказал.

По мосту ходил часовой с винтовкой. Небольшенького роста, в шинели, набрякшей дождем и казавшейся непомерно длинной, он важно расхаживал от одной перилы к другой, поглядывал то за бугор, куда уходила дорога и куда час назад ушла группа лейтенанта Асеенкова, то на окопы, то на пулеметный окоп, то, мельком, на ротного.

– Часового с моста убери. Чего он маячит? Не в гарнизоне столовку охраняет.

– Куприков! Сгинь! – не по-уставному, но строго крикнул сержант, и часовой тотчас спрыгнул вниз и исчез под настилом, как будто только того и ждал.

– Ладно, следи за порядком. – И Мотовилов посмотрел на часы: времени было уже порядочно, а старшина все не вез свой котел с кашей. И разведка не возвращалась... – Как только пройдет на эту сторону группа лейтенанта Асеенкова, рви мост и – тоже в окопы. Смотри по обстоятельствам.

– Все будет сделано. – И Трояновский вытянулся, как в строю.

Трояновский... Трояновский... Из поляков, что ли? Мотовилов думал о сержанте так, как когда-то думал о своих командирах батальонов и рот, когда возвращался со службы домой. Сержант Трояновский. У него и бойцы подтянутые. Шинели подогнаны. И оружие в порядке. Такой не должен подвести.

Разведчики, посланные проверить большак до железнодорожной ветки, вернулись вместе со старшиной. Отделение разведчиков шло вереницей по обочине дороги. Следом за ними тащилась повозка, нагруженная ротным скарбом – знакомым зеленым ящиком под железной крышкой и чем-то еще, старательно прикрытым куском вылинявшего, как прошлогодний бурьян, брезента. Повозкой управлял сам старшина Ткаченко. Он сидел на передке, на ящике, притиснутый поклажей к самому крупу коня Змея. Левую ногу он щеголевато выставил вперед, опершись на оглоблю, и высокое хромовое голенище, сдвинутое гармошкой, сияло издали и вызывало неприязнь бойцов. Все промокли, продрогли, с самого начала марша в рот маковой росинки не упало, а он где-то сапоги свои надраивал. Чтоб ему, проклятому, следующую ночь так промучиться... За повозкой катилась ротная кухня. Из косой трубы ее, прикрытой от верхового дождя жестяным закопченным колпаком-кулечком, посыпывал сизый дымок, и все, наблюдавшие ее долгожданный приезд, старались уловить в воздухе желанный дух варева и угадать, что же на этот раз приготовил им кашевар Надейкин. Сам Надейкин сидел под сложенным вдвое мешком, кулем надетым на голову, и казался худеньким подростком, случайно попавшим в кашевары. Когда кухня подъехала ближе, Мотовилов разглядел на дороге еще несколько человек. Шли они нестройно, без оружия. Чужие, догадался он, вглядываясь в незнакомых бойцов. Они тоже свернули с большака к окопам.

Первым доложил сержант Плотников. Разведчики дошли до станции, разговаривали с дежурным. Тот сказал, что только что на Серпухов отправлены несколько вагонов с дровами.

– Младший лейтенант и четверо бойцов прибыли из Серпухова. Говорят, что возвращаются из госпиталя. Сборный пункт – Высокиничи. Документы в порядке.

Младший лейтенант, туго перетянутый ремнями, построил свою команду и стоял на правом фланге, вытянувшись вперед гладко выбритым подбородком, в ожидании, когда к нему обратится тот, кто командовал здесь всем и вся. Мотовилов мельком взглянул на него и вдруг узнал в нем – или это ему показалось от усталости – того самого младшего лейтенанта с Варшавского шоссе. Как же его фамилия? Он приказал старшине приступить к раздаче пищи и подошел к выстроившейся вдоль дороги шеренге.

– Товарищ полковник, вверенная мне группа бойцов после излечения... – Младший лейтенант одеревенелыми губами продолжал доклад, и Мотовилов заметил, как глаза его остановились на петлицах, в которых он увидел не полковничьи шпалы, а всего лишь кубари старшего лейтенанта.

– Докладывайте, докладывайте, товарищ младший лейтенант. Только учтите на будущее, что перед вами старший лейтенант, командир стрелковой роты.

– Вас понял, товарищ старший лейтенант.

– Говоришь, на сборный пункт?

– Да, в распоряжение штаба Семнадцатой стрелковой дивизии.

– Семнадцатой... Ну-ну. Только вряд ли она там, дивизия ваша. В лучшем случае, рота. Считайте, что вы дошли. Как ваша фамилия, младший лейтенант?

– Старцев.

– Какое училище?

– Подольское пехотно-пулеметное. Ускоренный выпуск.

– Пулеметы системы «гочкис» знаете?

– Чисто теоретически. Хорошо знаю пулеметы системы «максим» образца тысяча девятьсот десятого года, ручной пулемет Дегтярева пехотный образца двадцать седьмого года и крупнокалиберный Дегтярева – Шпагина образца тридцать восьмого.

Мотовилов поморщился и сказал:

– Котловым довольствием я вас обеспечу. Кормите, Старцев, своих людей. Хорошенько поешьте сами и после обеда, ровно через двадцать пять минут, ко мне вместе с сержантом Плотниковым.

Бойцы младшего лейтенанта Старцева, на ходу выхватывая из своих «сидоров» котелки, гурьбой кинулись к полевой кухне. У одного из них Мотовилов разглядел плоский трофейный со съемной крышкой. Значит, бывалый боец. В Семнадцатую... Где она теперь, Семнадцатая... Пропадут ни за грош в дороге.

Надают мне по шапке, в гриву-душу, за самоуправство, подумал он, и решил: семь бед, один ответ. Главное – что? Удержать рубеж до подхода полка. Вот за что спросится в первую голову. А за остальное отвечу потом. Разжалуют до лейтенанта, до взводного? Да хоть до рядового стрелка! Все здесь встретится, в одном поле, подытожил свои размышления старший лейтенант Мотовилов, и полковники, и сержанты, и рядовые пехотные бойцы.

А младшему лейтенанту, подумал он, наблюдая за толпой возле котла, тоже повезло. Подштопали наскоро и – сюда.

Кухню он приказал спрятать в ближайшем овражке, чтобы не демаскировать позиции роты.

Вместе с горячей кашей старшина Ткаченко тут же раздавал патроны, гранаты и бутылки с горючей смесью. Как злиться на такого старшину? Молодец Ткаченко. Видать, зубами вырвал и эти гранаты, и цинки с патронами. Нет, со старшиной Мотовилову повезло. В меру нагловатый, шумный с бойцами и смирный, подчеркнуто вежливый с начальством. Умеет обделать любое дело, на которое не всякий и решится. Запасливый. Прижимистый. Настоящий хохол. Что и говорить, старшина Ткаченко пришелся ротному по душе. Но старый служака Мотовилов знал и другое: такого весельчака и выюгу надо было держать в руках. Пускай подружатся с Бурманом, внутренне посмеивался он, представляя, какое лицо будет у старшины, когда младший политрук заявит о своих контрольных функциях в тылах роты. Это тебе не ленивые и заевшиеся интенданты второго эшелона, которые, если это их не касается, любую бумагу подпишут и на любое зло глаза закроют, этот над котлом стоять будет, чтобы доподлинно быть уверенным в том, что бойца на передовой не объедает ни одна тыловая мышь.

Глава четвертая

– Профессор, а вы когда-нибудь убивали? – И Брыкин выпустил струйку табачного дыма. – Сейчас ведь начнется... Немец попрет, стрелять придется.

– Убивал, – кивнул Хаустов. Он даже не взглянул на соседа, продолжая сосредоточенно тпать саперной лопатой перед собой. Ротный приказал соединять ячейки ходом сообщения. И, хоть усталость выламывала суставы и клонила отяжелевшую голову книзу, к коленям, Хаустов воспринял распоряжение старшего лейтенанта Мотовилова с той тайной надеждой, с которой смертник получил бы весть о том, что судьба его еще не решена, приговор не оглашен, а стало быть...

Брыкин, услышав ответ Хаустова, едва не выронил из озябших рук лопату.

Некоторое время они копали молча. Брыкин что-то бормотал себе под нос, вроде кого-то бранил, то и дело приподнимался на руках, выглядывал в поле, где его первый номер отрывал запасную огневую. Наконец, когда им, чтобы соединиться, осталось метра полтора, он отвалился к ровно, аккуратно срезанной стенке, засмеялся и сказал:

– Вот что такое для бойца лопата? Лопата – это все. – Брыкин повертел перед глазами лопату и подытожил: – Но уж больно деликатная. Из такой только черпак для Надейкина склепать. Вот это б был струмент!

– Вполне с вами согласен, – тут же отозвался Хаустов и, продолжая затронутую соседом тему котлового довольствия, спросил: – Как вы думаете, Гаврюша, каши нам до нынешнего вечера дадут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.